

ГЛАВА IV.

НАЧАЛО СЖАТИЯ

4.1. ФРАНЦУЗСКИЙ ОБРАЗЕЦ

Как отмечалось выше, Франция была центром одной из трех диффузионных волн, оказывавших влияние на Россию во второй половине XVIII века. Влияние Франции основывалось на культурном, а не на военном превосходстве; в военном отношении Франция середины XVIII века отставала от Пруссии и Австрии. Однако во второй половине столетия волна военных преобразований дошла и до Франции, и здесь была предпринята решительная реформа артиллерии, связанная с именем генерала Ж.-Б. Грибовала. Грибоваль долгое время служил в австрийской армии под началом генерал-фельдцейхмейстера князя Лихтенштейна, поэтому в своих преобразованиях он широко использовал австрийский (а также прусский и русский) опыт. Так же, как Лихтенштейн, Грибоваль свел всю артиллерию к нескольким стандартным образцам. Орудия стали отливаться цельными и потом рассверливаться, вес пушек был существенно облегчен, но главное — были усовершенствованы лафеты (которые получили железные оси и чугунные втулки колес) и механизмы наводки. Позднее, с 1800 года, французская артиллерия так же, как и австрийская, стала «ездящей»¹.

В конечном счете труды Фридриха II, Лихтенштейна, Шувалова и Грибовала привели к тому, что составлявшие полевую артиллерию мощные 6- и 8-фунтовые орудия стали столь же подвижными, как 3-фунтовые полковые пушки. «Подвижность имела неожиданные последствия, она произвела полную революцию в употреблении артиллерии», — отмечал А. Нилус². Прежде батареям полевой артиллерии редко удавалось сменить позицию на поле боя, теперь появилась возможность маневра артиллерией и сосредоточения ее на участке прорыва. Слабая полковая артиллерия стала ненужной; в случае нужды ее заменяли придаваемые полкам мощные батареи³. Появление мощной мобильной артиллерии привело к переменам в тактике. Новые орудия позволили увеличить дальность картечного выстрела

с 200 до 300–500 метров. В то же время дальность ружейного выстрела по-прежнему составляла 200–220 метров; таким образом, картечь новых орудий поражала пехотинцев прежде, чем те успевали выстрелить. Сила артиллерийского огня в 6–10 раз превосходила силу огня пехотных линий. Это в значительной мере обесценило значение ружейного огня и той «прусской муштры», с помощью которой достигалась скорострельность⁴.

На смену линейной тактике шла тактика рассыпного строя и колонн. Рассыпной строй, заменивший прежнюю линию, был менее уязвим для картечи, и солдаты могли стрелять не торопясь, прицельно. Для того чтобы сделать стрельбу более прицельной, приклад ружья стали вытачивать изогнутым, как у охотничьих ружей. Кроме того, некоторые солдаты («егеря») были вооружены нарезными ружьями, «штуцерами». Штуцер стрелял на 700 метров, но его было трудно заряжать, поэтому скорострельность составляла всего лишь один выстрел в 4–5 минут⁵.

Главным элементом новой тактики была колонна—боевой порядок, созданный французской революцией. Его появление было связано с глубокими преобразованиями социального строя Франции и с введением всеобщей воинской повинности. До революции французская армия была в основном наемной, и (поскольку наемники обходились дорого) ее численность составляла лишь 172 тыс. солдат—меньше, чем в Австрии и Пруссии, армии которых пополнялись посредством рекрутирования. Когда в 1792 году Австрия и Пруссия объявили войну французскому революционному правительству, оно было вынуждено мобилизовать все силы страны и пошло на беспрецедентный шаг, введя всеобщую воинскую повинность. Если рекрутские наборы давали одного солдата с 10 или 20 дворов, то всеобщая повинность ставила под ружье всех молодых мужчин, и один лишь набор 1793 года дал 450 тыс. рекрутов. В 1794 году численность французской армии достигла одного миллиона солдат! Эту армию необходимо было снарядить и вооружить, и якобинская диктатура превратила страну в огромный военный лагерь, живущий по законам регулируемой экономики. Все зерно, кроме небольшого «семейного запаса», подлежало сдаче в государственные хранилища, рыночная торговля прекращалась. Население городов снабжалось из государственных амбаров по карточкам. Была введена система принудительного труда по фиксированным расценкам; за один год было построено 39 оружейных заводов, производство чугунных пушек увеличилось с 900 до 12 тыс., производство бронзовых пушек—до 7 тыс. Во Франции, как в России при Петре I, пушки отливали из снятых с церквей колоколов⁶.

С точки зрения теории военной революции, это был пример до крайности милитаризованной военно-бюрократической диктатуры «революционного правительства». Военным министром этого правительства был Лазар Карно — знаменитый военный инженер и создатель тактики колонн. Имея огромную, но плохо вооруженную и обученную армию, Карно предложил стоять атакующие войска колонной и бросать их в штыковую атаку — без единого выстрела. Передние ряды колонны погибали под вражеским огнем, но, шагая по трупам, колонна в конечном счете прорывала тонкую стрелковую линию противника и одерживала победу. Таким образом, новая тактика представляла собой сочетание стрелковых цепей в первом эшелоне и глубоких колонн во втором эшелоне. Переброшенная к намеченному месту прорыва артиллерия должна была подавить батареи противника и ослабить его пехоту, стрелки прицельно выбивали офицеров, знаменосцев и артиллеристов; затем подтянутые из глубины колонны одна за другой устремлялись в штыковую атаку, пробивая линию противника своей массой. Позднее приемы боя были усовершенствованы и за стрелками иногда появлялись три шеренги пехоты, как в старой линейной тактике. Колонны двигались за этими шеренгами, выбирая место для атаки⁷.

Французская армия обладала двумя особенностями, отчасти обусловленными ее массовым характером. Эта армия состояла в основном из свободных крестьян, которые не стали бы терпеть палку в руках капрала, — поэтому в армии Наполеона не было палочных наказаний. Храбрость солдат возбуждали орденами и медалями, награждения сопровождались прибавкой жалования, возможностью стать сержантом, офицером и даже маршалом; некоторые наполеоновские солдаты действительно носили маршальский жезл в солдатском ранце. Другая особенность французской армии состояла в отсутствии обоза. Снабжать армию столь колоссальных размеров в те времена можно было лишь с помощью этактистской военной диктатуры. Когда якобинский военный режим рухнул в термидоре 1794 года, армия осталась без продовольственного снабжения, и Карно приказал ей довольствоваться реквизициями, то есть грабежом завоеванных стран. Лишь в 1807 году Наполеон отчасти восстановил обоз, но и после этого императорская армия жила в значительной степени реквизициями. В условиях войны эти реквизиции были бесконтрольными и постоянно переходили в мародерство; солдаты (часто поощряемые генералами) беспощадно грабили население. Возможность грабежа была еще одним стимулом для французских солдат — они знали, что победа может принести им не только славу, но и богатство⁸.

Тактика колонн была фундаментальным открытием, она стала новым всепобеждающим оружием французской армии — и именно этому оружию был обязан своей славой Наполеон Бонапарт. В соответствии с теорией новый этап военной революции привел к формированию нового военно-бюрократического государства. Империя Наполеона была современным образцом «регулярного государства», в котором абсолютизм (под действием революционной традиции) был закамуфлирован конституцией, предусматривавшей существование Государственного совета и двух законодательных палат. В действительности все вопросы решал император: Наполеон, как Иосиф II и Петр I, работал круглые сутки и вместе со своими министрами отдавал тысячи распоряжений. Символом его регулирующей деятельности стал «Кодекс Наполеона», который провозглашал равенство всех граждан перед законом и уничтожение сословных привилегий. В своей экономической политике Наполеон следовал заветам Кольбера и теории меркантилизма; национальная промышленность была защищена высокими таможенными пошлинами, но при этом деятельность предпринимателей регламентировалась: правительство прежде всего старалось обеспечить заработок рабочим⁹. После падения Наполеона современники вспоминали о его правлении как о «золотом веке» всеобщей занятости, высоких заработков и дешевого хлеба. Внешние атрибуты новой империи представляли собой смешение черт военного государства и старой ренессансной Франции: Наполеон, как Карл XII и Петр I, ходил в солдатском мундире, он заставлял своих чиновников носить униформу, но его двор в Фонтенбло своей роскошью затмевал Версаль¹⁰.

Как обычно, волна французских завоеваний вызвала диффузионную волну заимствования французских инноваций. Сражавшиеся в линиях русские были разгромлены при Аустерлице, а пруссаки — в двойном сражении при Йене и Ауэрштедте. Разгромленная Пруссия сразу же приняла тактику колонн, ввела у себя всеобщую воинскую повинность, открыла доступ в офицеры недворянам и практически запретила телесные наказания. Более того, прусский король Фридрих Вильгельм III обещал своему народу ввести конституцию, но забыл о своем обещании после поражения Наполеона¹¹. Наиболее важной реформой, проведенной под влиянием Франции, было освобождение крестьян. 22 июля 1807 года Наполеон подписал конституцию новой Польши («герцогства Варшавского») первый параграф которой гласил: «Крепостничество упраздняется. Все граждане равны перед законом»¹². «Отмена крепостничества, — признавал прусский король, — стала в результате действия соседних правительств де-

лом чрезвычайной необходимости». В октябре 1807 года правительство Пруссии объявило об освобождении крепостных¹³.

Таким образом, Россия оказалась перед фронтом новой диффузионной волны. Компонентами этой новой волны были мобильная артиллерия, тактика колонн, всеобщая воинская повинность, а в политической сфере — конституционализм, подобный французскому, и равенство граждан перед законом — то, что тогда называлось «свободой». Лозунг «Свобода, равенство и братство», написанный на знаменах французских армий, не мог оставить равнодушным население тех стран, где народ страдал от сословных привилегий и крепостного права. Французская армия при поддержке народов уничтожила сословные привилегии и насадила конституционный строй почти во всех государствах Западной Европы. «Самое могучее оружие, которым пользовались до сих пор французы, — писал Александр I в 1804 году, — это общее убеждение, что их дело есть дело свободы и счастья народов»¹⁴. Однако после французских побед часто наступало разочарование: система грабежей и реквизиций восстанавливала народы против завоевателей, и навстречу диффузионной волне поднималась волна традиционалистской реакции. Именно традиционалистская реакция привела к грандиозному восстанию против Наполеона в Испании, а затем — к подъему немецкого национализма и к битве при Лейпциге.

4.2. ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА I: ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОГО ВЛИЯНИЯ

Как отмечалось выше, французское влияние было ощутимо в России уже во второй половине XVIII века. Оно сказывалось в основном в распространении французской культуры, но так же и в популярности французских философов. Как известно, Екатерина II при составлении своего «Наказа» заимствовала целые страницы у Монтескье; она пригласила в Петербург Дидро, но заигрывания с «вольнодумцами» были лишь данью моде; когда началась Французская революция, императрица приказала отнести бюст Вольтера в чулан. Всем русским было приказано немедленно покинуть Францию, на сообщения из Парижа была наложена строгая цензура.

Однако французское влияние преодолело эти преграды — причем самым неожиданным способом, заставляющим (как в случае Петра I) обратить особое внимание на личностные каналы механизма диффузии. Волею случая наставником Александра оказался Фридрих-Це-

заль Лагарп, французский республиканец, впоследствии ставшим одним из руководителей Гельветической республики. По собственному признанию Александра, он был обязан Лагарпу «всем, кроме рождения»¹⁵. Насколько можно судить по конспектам Лагарпа, воспитатель стремился привить наследнику престола идеалы просвященной монархии, ограниченной «фундаментальными законами», то есть конституцией. В 1790 году, когда Александру было 13 лет, он дал своему воспитателю клятву «утвердить благо России на основании законов непоколебимых»¹⁶. В 1797 году вокруг наследника образовался кружок молодых друзей, который Г. Р. Державин называл не иначе как «якобинской шайкой». Друзья направили Лагарпу (который в то время был во Франции) письмо, испрашивая его совета: «Письмо это вам передаст Новосильцев, он едет с исключительной целью повидать вас и спросить ваших советов и узаконений в деле чрезвычайной важности — об обеспечении блага России при введении в ней свободной конституции... Не уstraшайте теми опасностями, к которым может привести подобная попытка, способ, которым мы хотим осуществить ее, значительно уstraняет их... Мне кажется, это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы проведена законной властью...»¹⁷ Очевидно, план «молодых друзей» состоял в постепенных преобразованиях «сверху» с целью введения конституции, причем Александр хорошо сознавал опасность этого плана, поэтому конечная цель преобразований должна была долгое время оставаться тайной для всех, кроме немногих посвященных.

В планы молодого царя входила и отмена крепостного права. Государственный секретарь А. С. Шишков писал позже, что у Александра сложилось «несчастное предубеждение против крепостного в России права, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка». Предубеждение это, по словам А. С. Шихова, «внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и, словом, от всего русского»¹⁸.

Таким образом, политическая программа Александра подразумевала частичную трансформацию России по французскому образцу и включала постепенное установление конституционного правления и отмену крепостного права. Однако в отличие от Петра I Александр I не был абсолютным монархом и не мог проводить реформы силой самодержавной власти. Переворот 1801 года означал новую победу дворянства и поражение абсолютизма. В первых указах, изданных Александром, он был вынужден уничтожить едва ли не главное

орудие самодержавия, Тайную экспедицию, и амнистировать всех осужденных ею заговорщиков. Было объявлено о подтверждении постоянно нарушавшейся Павлом I «Жалованной грамоты дворянству» и восстановлении дворянского самоуправления. «Для рассуждения и уважения дел государственных» был образован Непременный Совет из представителей высшей аристократии. С первых дней своего существования этот Совет приобрел такое значение, что его позиция предопределяла решения Александра по важнейшим политическим вопросам. В частности, Совет отклонил представленный императором проект закона о запрещении продажи крестьян без земли. Вельможи стремились превратить Сенат в выборное дворянское представительство и ограничить власть императора аристократической конституцией. А. Р. Воронцов, один из знаменитых вельмож екатерининского царствования, предлагал положить в основу конституции средневековую английскую Великую Хартию Вольностей и «Habeas Corpus Act»; предложенный им проект говорил исключительно о правах дворянства. А. Чарторишский писал о А. Р. Воронцове: «В нем оставалась закваска той старой либеральной русской аристократии, которая хотела, призвав на престол Анну, ограничить ее власть»¹⁹. Другой известный англоман, адмирал Н. С. Мордвинов, предлагал пригласить в Комиссию по составлению законов известного английского философа Иеремию Бентама, но тот не согласился ехать в Россию²⁰. Таким образом, аристократическая оппозиция, как и раньше, использовала английский пример как аргумент для введения олигархического правления.

«Впрочем, — отмечает М. М. Сафонов, — у дворянства было испытанное средство „контролировать“ действия правительства и без „конституции“, пресекать любые попытки отклониться от дворянской линии — дворцовый переворот. Это было проверенное и надежное средство, оно всегда действовало как потенциальная угроза. Александр постоянно имел это в виду»²¹. В правление Александра слухи о заговорах, угрозы и резкая критика в адрес императора были постоянным явлением, и жесткая оппозиция дворянства останавливала реформы уже в их начальной стадии. Поэтому, пишет М. М. Сафонов, широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась к административным преобразованиям²².

В военной сфере дворянская реакция в начале правления Александра привела к тому, что отставленные Павлом за злоупотребления офицеры и генералы снова вернулись в армию. Вместе с ними вернулись екатерининские порядки — хищения казенных средств, использование солдат, как своих крепостных, запись в полки малолет-

них дворян, которые, вырастая, становились офицерами. А. Р. Воронцов требовал сократить военные расходы и прекратить столь обременительное для офицеров «прусское» обучение²³. Однако победы Наполеона вынудили аристократическую оппозицию на время смириться с устроением дисциплины и не препятствовать военному реформированию по новому, французскому, образцу, хотя эта реформа была сопряжена с возвращением к власти некоторых деятелей павловского режима. В 1802 году была составлена особая комиссия под председательством А. А. Аракчеева, вызванного из отставки и снова назначенного в 1803 году инспектором всей артиллерии. Выработанная комиссией система полевых орудий получила название «аракчеевской». Разнобой артиллерийских систем был ликвидирован, и все многообразие пушек и гаубиц было сведено к нескольким стандартным образцам. Пушки получили конструкцию, подобную орудиям Грибовалая, были снабжены облегченными лафетами и грибовалевскими подъемными механизмами. Орудия стали отливать цельными, с последующим высверливанием канала ствола²⁴.

Заимствовалась и французская тактика, с 1805 года были прекращены линейные учения. В русском уставе «Наставление пехотным офицерам» 1811 года говорится, что прежние «излишнее учения, как-то многочисленные темпы ружьем и прочие, уже давно отменены»²⁵. Основное внимание теперь уделялось действию в рассыпном строю и в колонне. Сражавшаяся в линиях при Аустерлице в 1805 году, русская армия в 1807 году при Прейсиш-Эйлау уже использовала колонны²⁶. В 1808–1810 годах русских пехотные батальоны получили организацию и ружья французского образца. Форма также стала похожа на французскую, солдаты начали носить кивера²⁷. Устав 1811 года рекомендовал офицерам избегать палочных наказаний. Выходцы из простолюдинов вновь стали допускаться в число офицеров — во всем этом можно видеть результат французского влияния²⁸. «Все на французский образец, — писал французский посол Коленкур, — шитье у генералов, эполеты у офицеров, португеза вместо пояса у солдат, музыка на французский лад, марши французские, учение тоже французское»²⁹. Однако, несмотря на затруднения с комплектованием армии, всеобщая воинская повинность так и не была введена: дело в том, что взятие рекрута в армию подразумевало освобождение его (и его семьи) от крепостной зависимости. Вместо этого правительство попыталось производить наборы в ополчение — в отличие от солдат ополченцы оставались крепостными и после войны должны были вернуться к своим помещикам. Но, как свидетельствует А. Ф. Ланжерон, ополченцы, набранные в 1806 году, воевали пло-

хо: «Многие из них бежали, и были даже случаи возмущения целых батальонов»³⁰. Во время войны 1812 года призыв ополченцев также сопровождался бунтами — наиболее известным из них был бунт Пензенского ополчения в Инсаре. Бунты были подавлены, однако после окончания войны 1812–1814 годов ополченцы отказались возвращаться к подневольному труду, и большую часть из них пришлось вернуть в армию³¹.

Как обычно, заимствования в военной сфере вскоре повлекли за собой заимствования в сфере политической и социальной. Эти заимствования проявились, прежде всего, в созданном ближайшим помощником Александра статс-секретарем М. М. Сперанским проекте конституции (введение Государственного совета, разделение властей, иерархия выборных местных дум и др.). «Он хотел насадить на русской почве те же порядки, которые, по его представлению, превратили Францию в первую страну в мире», — писал Е. В. Тарле о Сперанском³². Наиболее важным обстоятельством было то, что конституция предоставляла гражданские права (во всяком случае, некоторые права) крепостным крестьянам. «Богатые помещики, имеющие крепостных, — свидетельствует Д. П. Рунич, — теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право»³³.

Таким образом, дворянство в принципе желало конституции, которая бы узаконила его власть, но оно было против той конституции, которая освободит крестьян. «Недовольство императором усиливается и разговоры, которые слышны повсюду, ужасны... — писал шведский посол Стединг. — Слишком достоверно, что в частных и даже публичных собраниях часто говорят о перемене царствования»³⁴.

Оппозиция преобразованиям, как и раньше, выступала под знаменем традиционалистской реакции. В марте 1811 года известный историк Н. М. Карамзин подал Александру I «Записку о древней и новой России». Карамзин констатировал, что правительственные реформы являются результатом подражания Франции, и предупреждал, что они способствуют переносу в Россию революционных идей. Н. М. Карамзин выступал как против конституционных проектов, так и против отмены крепостного права³⁵. Если и есть какая-то нужда в заимствованиях, то «государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях»³⁶. Этот тезис придал «Записке» характер традиционалистского манифеста. Карамзин первым среди русских историков осмелился подвергнуть критике вестернизационные реформы Петра I: «Страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия. Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество го-

сударств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев...»³⁷ Карамзин первый заговорил о народном духе, о святой православной вере и о спасительности самодержавия: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием»³⁸. Речь при этом шла не о насмехавшимся над церковью просвещенном абсолютизме Петра I, а о старинном московском самодержавии, когда милосердный царь выступал в качестве живого закона: «У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом... В России государь есть живой закон...»³⁹

В конечном счете традиционалистская реакция привела к отставке М. М. Сперанского; Александр I обвинил своего помощника в том, что «он жертвует благом государства из привязанности к своей французской системе»⁴⁰. Причина ненависти двора к Сперанскому (и Наполеону) заключалась, конечно, в том, что «французская система» подразумевала освобождение крестьян; крестьянская свобода и политическое равноправие были неотъемлемыми элементами французской диффузионной волны. Вторжение Наполеона в Россию могло привести к освобождению крестьян, и Наполеон рассматривал такую возможность. «Дайте мне знать, — писал император Евгению Богарне в августе 1812 года, — какого рода декреты и прокламации нужны, чтобы возбудить в России мятеж крестьян и сплотить их»⁴¹. А. А. Кизеветтер отмечал, что частные письма помещиков были переполнены указаниями на то, что русское дворянство в первую очередь страшилось не французов, а собственных крепостных крестьян⁴².

Действительно, с приходом французов литовские и белорусские губернии были охвачены крестьянскими восстаниями. «Их крестьяне сочли себя свободными от ужасного и бедственного рабства, под гнетом которого они находились благодаря скупости и разврату дворян, — свидетельствует генерал А. Х. Бенкендорф. — Они взбунтовались почти во всех деревнях... и находили в разрушении жилищ своих тиранов столь же варварское наслаждение, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты»⁴³. После взятия французами Москвы крестьяне многих подмосковных имений отказались повиноваться своим помещикам и вместе с оккупантами грабили столицу. В Москве Наполеон вновь вернулся к вопросу об освобождении крестьян и приказал разыскать в архивах сведения о пугачевском восстании⁴⁴. «Я мог бы поднять большую часть населения, объявив освобождение рабов, — писал Наполеон в дека-

бре 1812 года, — многие деревни просили меня об этом, но я отказался от этой меры»⁴⁵. Возможно, император понял, что если он примет такую попытку, то Александр, подражая прусскому королю, немедленно сам объявит об освобождении крестьян и вооружит их против французов. Как бы то ни было, Наполеон промедлил с решением, а потом оказалось поздно — катастрофа французской армии была столь неожиданной и быстрой, что уже ничто не могло помочь. А. А. Кизеветтер пишет, что когда остатки французской армии покинули Россию, «дворянство вздохнуло полной грудью и радость, его охватившая, только еще рельефнее оттенила силу предшествующей тревоги»⁴⁶.

Поход Наполеона в Россию был последним ударом волны завоеваний, вызванных появлением мобильной артиллерии, тактики глубоких колонн и всеобщей воинской повинности. К 1812 году эти военные инновации были переняты противниками Наполеона и французская армия лишилась своих преимуществ, сохранив вместе с тем свои недостатки. Как отмечалось выше, наиболее значительным недостатком было отсутствие необходимой системы снабжения. В 1812 году русские применяли тактику выжженной земли, и наполеоновская армия осталась без продовольствия; солдаты голодали, и уже к смоленскому сражению армия потеряла сто тысяч солдат из-за болезней и огромного дезертирства⁴⁷. К моменту сражения под Бородино наполеоновская армия сократилась вчетверо, и хотя французы выиграли сражение, все тот же недостаток снабжения заставил их покинуть Москву и двинуться в обратный путь. Этот путь среди заснеженной русской равнины оказался губительным; уже под Гжатском, когда ударили первые морозы, около десяти тысяч солдат обморозили ноги; в дальнейшем число обмороженных постоянно росло, и все они были обречены на гибель⁴⁸. Авторы юбилейного издания «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» писали: «Французская армия была деморализована, и к гибели ее вели в равной степени природа — суровой зимой и дурными дорогами, и свое начальство — неподготовленностью, растерянностью. Русским войскам оставалось только довершать начатое разложение армии»⁴⁹.

После поражения в России Наполеону пришлось бороться с поднявшейся на борьбу за независимость Германией. Прусская и австрийская армии (так же, как и русская армия) переняли военные инновации французов, и не имея военно-технологических преимуществ, Наполеон не смог сопротивляться огромному численному превосходству союзников. С теоретической точки зрения, история наполеоновских войн представляет собой один из редких примеров

«отката» завоевательной волны — пример, когда подвергнувшиеся на падению страны заимствуют оружие противника и обращают волну вспять.

Однако поражение Наполеона не означало окончания диффузионного процесса; овеянные наполеоновской легендой идеи французской революции продолжали оказывать влияние на Европу. Это проявилось, в частности, в политике российского императора: Александр сохранял свою приверженность к конституционным идеям, некогда привитую Лагарпом. Настойчивое вмешательство Александра способствовало тому, что побежденная Франция не вернулась к абсолютизму, а сохранила конституционный строй. Многие германские государства, где конституции были введены французами, также получили новые основные законы по образцу французской хартии 1814 года⁵⁰. В 1815 году Александр даровал конституцию Царству Польскому, которое составилось из уступленной России по Венскому конгрессу части бывшего герцогства Варшавского. Эта конституция, в частности, провозглашала равенство сословий перед законом и свободу печати. При открытии польского сейма в 1818 году Александр намекнул, что конституционные начала, дарованные Польше, он предполагает распространить на всю империю. «Русская конституция здесь уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцеве», — докладывал в мае 1819 года прусский консул в Варшаве⁵¹. Естественно, оригинал этой российской конституции был написан на французском языке⁵².

Современники отчетливо сознавали, что движение по пути к конституции и политическим свободам неразрывно связано с освобождением крестьян⁵³. Император намеревался энергично приступить к решению крестьянского вопроса. В 1816–1819 годах были освобождены крестьяне в прибалтийских губерниях, и было составлено несколько проектов освобождения помещичьих крестьян в русских губерниях. Во время посещения Малороссии в 1818 году Александр в публичной речи объявил о своих намерениях, но это вызвало резкую оппозицию дворянского собрания. В московских салонах снова, как во времена Сперанского, дошло до угроз в адрес императора⁵⁴. Александр решил двигаться к освобождению постепенно и в качестве предварительной меры в 1820 году вновь предложил закон о запрете продажи крестьян без земли. В проекте говорилось, что «продажа людей по одиночке, как бессловесных животных, не соответствует духу времени». «Дух времени» — это выражение часто использовалось императором и, очевидно, означало «дух просвещенного Запада». Именно эта формула вызвала жесткую критику членов Госсовета

та, которые не желали воспринимать диффузионные западные веяния и снова заблокировали принятие решения⁵⁵.

В то время как придворная аристократия и провинциальное дворянство выступали против прозападных реформ, дворянская молодежь в значительной части была увлечена конституционными идеями. После войны французское влияние подчинило себе не только Александра. Декабрист М. А. Фонвизин вспоминал: «В походах на Германию и Францию наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать все виденное с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине»⁵⁶. «Дворяне, возвратившиеся из чужих краев с войском, привезли начала, противные собственным их пользам и спокойствию государства, — писал Н. М. Карзин. — Молодые люди первых фамилий восхищаются французской вольностью и не скрывают своего желания ввести ее в своем отечестве»⁵⁷. По свидетельству одного из декабристов, А. Розена, они хотели попросту «пересадить Францию в Россию». Особое значение имело то обстоятельство, что эти настроения поддерживались императором. Н. И. Греч писал: «Я был в то время отъявленным либералом. Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную, в которой запевакой был сам Александр Павлович»⁵⁸. Ф. Ф. Вигель писал, что все, вслед за правительством, «из раболепства стали прикидываться свободомыслящими, завелся обычай в обществе хоть что-то сказать о конституциях»⁵⁹.

Таким образом, император сам был причастен к возникновению движения декабристов, которое было связано с распространением «официального либерализма». С. А. Экшут отмечает, что правительство и декабристы, таясь друг от друга, готовили проекты одних и тех же государственных преобразований⁶⁰. Однако на развитии движения декабристов сказалось также и прямое влияние революционных европейских организаций, итальянских карбонариев и немецкого «Тугендбунда». «Главные черты законоположения Союза Благоденствия, — свидетельствует Н. И. Тургенев, — замечательнейшие мысли и самый слог ясно показывают, что он есть подражание и даже большей частью перевод с немецкого»⁶¹. Существовали и прямые контакты с западными революционерами, правда, по-видимому, немногочисленные. Известно, в частности, что одним из видных членов «Союза Благоденствия» был итальянский карбонарий Мариано Джильи. После разгрома восстания декабристов Николай I говорил пьемонтскому послу, что «исповедуемые ими принципы те же, что и карбонариев»⁶².

Как дореволюционная либеральная, так значительная часть современной западной историографии рассматривают декабристское движение исключительно как продукт западного влияния — в духе теории вестернизации⁶³. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые современные российские исследователи⁶⁴. Ю. М. Лотман писал о перенимании декабристами западной идеологии: «Перед нами чрезвычайно интересный пример того, как одна идеологическая система, попадая в орбиту другой, „облучается, заражается“ по существу чуждыми ей идеями»⁶⁵. В. В. Леонтович доказывает, что корни либерализма в России в принципе отсутствовали, и что идеологи русского либерализма получали и перенимали западные идеи⁶⁶. А. В. Предтеченский указывал на явное несоответствие «сознания передовой части дворянской общественности» «экономическому базису» — то есть на невозможность объяснить движение декабристов внутренними социально-экономическими процессами⁶⁷.

В начале 1820 года вспыхнула революция в Испании, быстро распространившаяся на Италию; Южная Италия погрузилась в хаос междоусобной войны. Характерно, что наслышанные о либерализме русского царя итальянские республиканцы первое время надеялись на его поддержку⁶⁸. Однако именно эти события привели к резкой перемене в политических взглядах Александра. Царь понял, что либеральные преобразования несут в себе угрозу политической стабильности не только Европы, но и России. В августе 1820 года Александр писал главе австрийского правительства Клеменсу Меттерниху: «...Я неправильно судил об обществе, сегодня я нахожу ложным то, что мне казалось истинным вчера. Я принес много зла, я постараюсь его исправить»⁶⁹. Меттерних был главным идеологом традиционалистской реакции против французского влияния. Во время конгресса в Троппау он в длительных беседах с императором приложил все усилия, чтобы убедить Александра в существовании общеевропейского революционного заговора (после конгресса Меттерних оформил свои взгляды в специальном «мемуаре»)⁷⁰. «Проникнувшись этой «высшей политической философией», Александр I стал воспринимать все происходящее глазами австрийского канцлера, — отмечает Т. Н. Жуковская. — Беспорядки в семеновском полку им были восприняты, как происки партии „революционеров“ в самом сердце Империи»⁷¹. «Признаюсь, — писал Александр о бунте семеновцев из Троппау, — я его приписываю тайным обществам, которые, по доказательствам, которые мы имеем, все в сообщениях между собой...»⁷². В Петербурге командир гвардейского корпуса генерал

И. В. Васильчиков, в отличие от царя располагавший реальной информацией о декабристах, и опасавшийся их выступления, поднял по тревоге весь гарнизон, но на этот раз все ограничилось стихийными солдатскими волнениями. Через полгода, когда царь вернулся в Россию, И. В. Васильчиков доложил Александру о существовании тайного общества. Александр I после долгого раздумья ответил: «Дорогой Васильчиков, вы знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения... Не мне подобает карать»⁷³.

В этих словах, несомненно, звучит сознание Александром своей ответственности за распространение в стране либеральных настроений. Царь не желал карать людей, которых он сам побудил к деятельности. Но тем не менее, подчиняясь влиянию Меттерниха и российских консерваторов, Александр I отложил в сторону проекты реформ⁷⁴. С точки зрения диффузионистской теории, это означало переход с позиций вестернизации на позиции традиционализма. Это вызвало кризис в среде декабристов, часть либералов отошла от движения, но наиболее радикально настроенные элементы продолжали агитацию. Испанская революция убедила радикалов в возможности успеха военного переворота и в России — они приняли курс на «pronunciamiento». Некоторые агитационные произведения декабристов стали оформляться в стиле испанского катехизиса, а отдельные положения испанской конституции 1812 года вошли в проект конституции Н. М. Муравьева⁷⁵.

В целом, однако, «либеральных иллюзий» продолжала придерживаться лишь малая часть дворянской молодежи. Ф. Ф. Вигель писал, что стоило правительству «объявить войну вольнодумству... либерализм исчез, как будто ушел под землю, все умолкло»⁷⁶.

Но французское влияние продолжало сказываться в других аспектах, и одним из них была вновь проявившаяся с екатерининских времен тенденция к распространению роскоши. Вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожелали жить по-парижски.

«Когда после 1812 года среднее дворянство познакомилось с Западной Европой, — свидетельствует барон фон Гакстгаузен, — с ее роскошью и комфортом, оно не могло уже удовлетвориться своей домашней жизнью, оно начало презирать обычаи старины и стремиться перенести европейскую жизнь в свое отечество. Это стоило очень дорого, а так как дворянство издавна было склонно к роскоши, то вошло теперь в непомерные долги... Положение крепостных крестьян стало через это еще хуже, так как новые господа смотрели на них уже исключительно как на средство, как на машины для зарабатывания денег»⁷⁷.

«По сравнению с российскими сановниками... даже крупные прусские помещики выглядели, как жалкие скряги», — отмечает И. Ф. Гиндин⁷⁸. «„Жизнь не по средствам“ вело множество помещиков, — указывает Н. И. Яковкина. — Столичное дворянство чуть ли не поголовно было в долгах. Причина этого крылась не столько в дороговизне предметов роскоши... сколько в господствовавшем еще с конца XVIII века убеждении в необходимости „широкого“ образа жизни. Представление о том, что истинно дворянское поведение заключается не только в тратах, но именно в тратах чрезмерных, не по средствам, прочно укоренилось в дворянской среде. Отсюда — необычайная роскошь дворцов, празднеств и даже обычного обихода столичной знати, безумные проигрыши в карты, различные фантастические затеи»⁷⁹. Популярные сборники по этикету того времени разъясняют выражение «прилично жить» как участие в изысканном обществе, постоянные увеселения, разнообразный досуг и т. д. Контент-анализ нескольких десятков мемуаров выявил, что для быта почти 80% крупных помещиков характерны такие определения, как «показная роскошь», «буйная, безудержная роскошь», «нарочитое великолепие», «роскошество». Роскоши состоятельных дворян часто старались подражать менее обеспеченные помещики, что приводило к разорению их хозяйств⁸⁰. «Ни в одной стране нет такой изнеженности и роскоши между образованными классами», — констатирует А. фон Гакстгаузен⁸¹.

Введенные Павлом запреты на импорт предметов роскоши были сняты, а низкие ставки тарифа 1819 года способствовали поступлению на русский рынок предназначенных для престижного потребления европейских товаров⁸². Новая волна потребительства преопределила новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. Другим отзвуком екатерининских времен было вновь начавшееся разложение в армии и на государственной службе. Характерная для времен Павла I прусская дисциплина была забыта. Николай I писал, что после войны «и без того уже расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и в довершение всего дозволена была носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры приезжали на учения во фраках, накинув шинели и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка...»⁸³ «Все без исключения обер-офицеры никуда не годны... — так оценивал александровскую армию прусский генерал Нацмер. — Никто не думает о высшем образовании среди офицеров и о целесообразных упражнениях войск»⁸⁴.

Порядок отсутствовал и в гражданской сфере. За время войны 1812–1814 годов было возбуждено более ста судебных дел о растратах, присвоении казенных денег, преступных махинациях с подрядчиками. Однако хищения подобного рода были столь распространенным явлением, что правительство решило большинство из этих дел замять⁸⁵. «Отеческое сердце ваше, государь, содрогнется при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний, — писал генерал-губернатор А. Д. Балашов. — Недоимок миллионы. Полиция уничтожена... Дел в присутственных местах без счету, решают их по выбору и произволу...»⁸⁶ О произволе чиновников и огромных злоупотреблениях в провинциях докладывал Александру I и П. Д. Киселев, но император уклонялся от рассмотрения подобных вопросов⁸⁷. «Управление... никогда не действовало так худо, как в это время, — писал В. О. Ключевский, — никогда общество не обнаруживало такого ужасного развития ябедничества, неправды, лихоимства и казнокрадства; сам император выразил удивление такой быстрой порчей новых учреждений»⁸⁸.

В итоге в конце царствования Александра мы видим те же явления, что и в конце царствования Екатерины II: отсутствие порядка в управлении и дисциплины в армии, роскошь помещиков и отягощение барщины. Все это было следствием слабости центральной власти, неспособной навести порядок и осуществить реформы, хотя все правление Александра прошло в попытках преобразований. «Вообще, если бы сторонний наблюдатель, — писал В. О. Ключевский, — который имел случай ознакомиться с русским государственным порядком и с русской общественной жизнью в конце царствования Екатерины, потом воротился бы в Россию в конце царствования Александра, он не заметил бы, что это была эпоха правительственных и социальных преобразований; он не заметил бы царствования Александра»⁸⁹.

4.3. ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I: ТРАДИЦИИ И НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ

Как отмечалось выше, после конгресса в Троппау Александр I в значительной мере подчинился моральному влиянию Меттерниха, и это обстоятельство не осталось незамеченным в петербургских салонах⁹⁰. Николай I также признавал высокий авторитет австрийского канцлера: «Берегите себя, — сказал он Меттерниху, — вы — наш краеугольный камень»⁹¹.

Клеменс Меттерних был «краеугольным камнем» немецкого традиционализма, но вместе с тем одним из последних апостолов «регулярного полицейского государства», которое пытался построить Иосиф II. После реформ и пришедших им на смену контрреформ здание австрийского «регулярного государства» осталось недостроенным: в нем продолжали существовать сословные привилегии и дворяне время от времени собирались на провинциальные сеймы, которые, впрочем, почти ничего не решали. Меттерниховская Австрия была царством чиновников, которые по возможности честно вели вверенные им дела, но не обладали никакой инициативой. Поскольку сложное здание многонациональной монархии могло разрушиться при попытке его перестроить, то основным принципом Меттерниха было: *Quieta non movere* («Не трогать того, что находится в покое»)⁹². Охранительные соображения определяли и внешнюю политику Меттерниха: необходимо было оберегать хрупкую монархию от приносимых из-за границы революционных смут. В целях поддержания европейской стабильности Меттерних с помощью Александра I создал «Священный союз» монархов, который вооруженной силой подавил европейские революции двадцатых годов. Однако не следует понимать «Священный союз» исключительно как дело монархов. «Не только у монархов, — пишет П. Берглар, — но и у очень многих людей, переживших и выстрадавших революцию и империю, действительно существовало стремление построить новую Европу на основах ее старых традиций (как их понимали) и создать духовно-художественно-религиозную „контримперию“ „идеям 1789 года“. Романтизм в различных видах и вариациях был общеевропейским феноменом, универсальным движением, охватывающим все области жизни не только в пространственном, но и в социальном отношении»⁹³.

«Именно немцы, первые жертвы вестернизации, указали (устаами Гердера), на ту истину, что каждый народ обладает уникальным коллективным духом, — пишет А. И. Уткин. — Более того, каждый народ имеет право на эту уникальность, право отстаивать ее. Именно так думали все остальные — до и после немцев — жертвы вестернизации... Русские одними из первых учились этой германской идеологии национальной самозащиты»⁹⁴.

Романтизм был идеализацией прошлого с его духовностью и верой в Бога. В XVIII веке теории и практики «регулярного государства» были приверженцами «культы Разума» и часто не ладили с церковью. Теперь, когда идеи рационализма и безверия привели к революции, монархи обратились за помощью к Богу. Вера высту-

пает как опора самодержавия в «Записке о древней и новой России». Обращение за помощью к Богу буквально запечатлелось в первых строках «Акта Священного союза», в которых три монарха, «объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость, как в управлении вверенными им государствами, так и в политических отношениях ко всем другим правительствам, *руководствоваться не иными какими-либо правилами, как заповедями, сея святые веры, заповедями любви, правды и мира...* (курсив наш — С. Н.)»⁹⁵.

Двадцатые и тридцатые годы были временем господства романтического традиционализма во всех германских государствах. Пруссия, позаимствовав некоторые французские инновации (о которых упоминалось выше), в целом сохранила систему Фридриха II, в основе которой лежало все то же «регулярное государство», «действующее, как часовой механизм». Современники действительно признавали традиционно высокие качества прусских чиновников, их честность, исполнительность, усердие и стремление к порядку⁹⁶. При всем том в Пруссии продолжали существовать некоторые сословные привилегии и провинциальные ландтаги, как и австрийские сеймы, носили дворянский характер.

В контексте социального развития Европы прусско-австрийская модель представляла собой альтернативу французскому влиянию. Эта модель была хорошо знакома русскому обществу по реформам Петра III и Павла I, и отчасти уже вошла в российскую социальную традицию — поэтому смена французского влияния немецким могла рассматриваться также как возврат к прошлому.

Возвращению к ориентации России на немецкий культурный круг отчасти способствовало и воспитание императора Николая Павловича. Учителем третьего сына Павла I был не француз Лагарп, а немец, начальник кадетского корпуса генерал М. И. Ламздорф. Воспитание великого князя в духе немецкой дисциплины и порядка нередко подкреплялось розгами, но в конечном счете из Николая получился отличный кадет, который вел спартанский образ жизни, пил только воду, спал на соломе и великолепно выполнял ружейные приемы⁹⁷. «Одни военные науки занимали меня страстно, — писал позднее Николай I, — в них одних я находил утешение...»⁹⁸ «Фрунтовая наука» постепенно переросла в глубокое увлечение военно-инженерным делом; великий князь слушал лекции в Главном инженерном училище и сразу же использовал свои знания на практике: в 23 года он был назначен генерал-инспектором по инженерной части. Впоследствии, в 1830–40-е годы, Николай

Павлович с гордостью называл себя «инженером» и тщательно изучал чертежи проектируемых сооружений, при случае поправляя архитекторов и строителей⁹⁹.

Естественно, воспитанный в немецкой дисциплине наследник, обнаружив отсутствие дисциплины и обучения во вверенных ему частях, сразу же попытался навести порядок — но не встретил поддержки у военного начальства¹⁰⁰. Более того, гвардейские офицеры невзлюбили Николая Павловича за его требовательность, и, по некоторым сведениям, после смерти Александра I М. А. Милорадович «предупредил великого князя, что не отвечает за спокойствие столицы, по той ненависти, какую питает к нему гвардия»¹⁰¹. По-видимому, в восстании декабристов (помимо его общеизвестных причин) присутствовали те же мотивы, что и в убийстве Павла I: ненависть гвардейцев к жесткой военной дисциплине.

Что же касается гуманитарных наук, то великий князь не проявлял к ним особого интереса, и образовавшийся пробел был восполнен лекциями Н. М. Карамзина уже после вступления Николая на престол. Начиная с первых дней после смерти Александра I апостол русского традиционализма по собственной инициативе каждый день приходил в Зимний дворец, чтобы помочь молодому властителю России освоить политическую науку. В этом свете представляется естественным вывод А. А. Корнилова о том, что царствование Николая I было последовательным осуществлением традиционалистской доктрины Н. М. Карамзина¹⁰². Главный лозунг николаевского времени — «самодержавие, православие, народность» — был лишь суммарной формулировкой идей «Записки о древней и новой России»¹⁰³.

Однако традиционализм Николая I имел и другие, более очевидные источники — это была реакция на восстание декабристов. Декабристский мятеж был воспринят Николаем I как результат западного влияния, более того — как веяние надвигавшейся с Запада революции¹⁰⁴. «Революция на пороге России, — говорил Николай I, — но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни»¹⁰⁵. После восстания декабристов традиционалистская реакция отмечалась не только в правительстве, но и в дворянских кругах. В провинции и в Москве почти единодушно осуждали планы и методы заговорщиков. Декабристов называли «обезьянами Запада»¹⁰⁶. Отец известного славянофила А. С. Хомякова писал сыну о выступлении декабристов: «Их преступление есть оскорбление нации»¹⁰⁷. Что касается реакции простого народа, то по донесениям тайной полиции, среди крестьян ходили суждения наподобие: «Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что не всех перевесили...»¹⁰⁸.

Еще одним толчком, вызвавшим традиционалистскую реакцию, стало польское восстание 1830 года. Восстание в Польше произошло непосредственно под впечатлением революции во Франции; когда стало известно, что польская армия станет авангардом русской армии в намечавшемся походе во Францию, польские дивизии подняли мятеж. Восстание инициировали польские карбонарии, прямо связанные с руководящим центром в Париже; вместо похода на запад русской армии пришлось около года воевать в Польше. Эти события стали для Николая I очевидным доказательством существования общеевропейского революционного заговора. Царь распорядился лишить Польшу конституции, которую дал ей Александр I; польские области были разделены на пять губерний¹⁰⁹.

Извне традиционалистская политика подпитывалась влиянием «Священного союза» — это была политика «романтического консерватизма», общая для трех союзных держав. В прусской и австрийской регулярных монархиях самодержавные государи точно также, опираясь на поддержку церкви и бюрократии, боролись с западными влияниями. И монархи поддерживали друг друга в этой борьбе. Престарелый австрийский император Франц I поручил своего больного сына (будущего императора Фердинанда I) попечению Николая I, и эта просьба стала впоследствии одной из причин венгерского похода русской армии. Отношения с Пруссией были еще более близкими: Николай был женат на дочери прусского короля Фридриха Вильгельма III, он поддерживал дружеские отношения с тестем и с кузеном (будущим Фридрихом Вильгельмом IV) и вместе с ними проводил военные маневры, на которых русские и прусские воины соревновались в искусстве выполнения маршей и перестроений¹¹⁰.

Как отмечалось выше, традиционалистская реакция нашла свое выражение в формуле «православие, самодержавие, народность». В соответствии с этой формулой государство опиралось на православную религию, которой был придан статус государственной. Преступления против веры, переход в другие исповедания, пропаганда в их пользу теперь карались по закону. Улучшилось материальное обеспечение духовенства, возросло число монастырей и храмов. Символом новой религиозной политики стал грандиозный Храм Христа Спасителя в Москве, построенный в традиционном русском стиле¹¹¹. Это возрождение традиций было сразу же отмечено иностранцами: «Ныне император Николай наконец постиг, что России пришло время отказаться от заимствования чужеземных образцов ради господства над миром и его завоевания, — писал маркиз де Кюс-

тин. — Он первый истинно русский государь, правящий Россией, начиная с Ивана IV»¹¹².

Традиционализм Николая I сказался на его отношении к «офранцузенной» русской аристократии. «Уже многие из первых сподвижников Александра I говорили с большим трудом по-русски и с совершенной легкостью на иностранных языках, — писал А. И. Васильчиков, — дамы высшего общества вовсе отвыкли от русского наречия... Молодые люди или воспитывались в чужих краях, или отдавались в Петербурге в школы иезуитов (l'abbé Nicole и др.); целые семейства (Ростопчины, Голицыны, Бутурлины, Шуваловы) переходили с матерями в католическую веру... Император Николай I стал преследовать эти иноземные тенденции дисциплинарным порядком, запрещением выезда за границу, воспитания в чужих краях, цензурой и полицией. Вместе с тем, подражая Петру Великому... он привлекал почти насильственно все знатные роды к службе преимущественно фрунтовой, к пребыванию в Петербурге при дворе, в армии и в гвардии и негодовал почти одинаково на туристов, посещавших Париж, и на офицеров и генералов, выходявших в отставку для заведывания своими хозяйственными делами»¹¹³.

Николай I сделал все возможное, чтобы ограничить контакты с «растленным» Западом. Была введена высокая плата за паспорта, срок пребывания за границей был ограничен тремя годами для простолудинов и пятью годами для дворян; было сокращено число обучающихся за границей студентов¹¹⁴. Николай I был убежденным противником западного гуманитарного образования и с особой неприязнью относился к философии, которую он называл «нечестивой, безбожной, мятежной наукой». Но император отделял западную философию от западных технических наук, к которым он относился с большим уважением, и всячески содействовал их распространению в России¹¹⁵.

Среди мер Николая I обращает на себя внимание насильственное привлечение дворян к службе — это один из характерных элементов этактистской политики не только Петра I, но и Павла I, а также и прусских королей. О других планах императора красноречиво говорит его записка А. Д. Боровкову, написанная вскоре после вступления на престол. «Надобно, — писал Николай Павлович, — даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение

юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев, уничтожить унижительную продажу людей... словом, исправить немислимые беспорядки и злоупотребления»¹¹⁶.

Нетрудно видеть, что все это – повторение программы Фридриха Великого, программы построения «регулярного государства», главным пунктом которой является «наведение порядка». Так же, как правление Петра III и Павла I, правление Николая Павловича началось с наведения порядка в государственных учреждениях и в армии. «Он сам лично ревизовал ближайшие столичные учреждения... – писал В. О. Ключевский. – В губернии он разослал доверенных сановников для производства строгой ревизии. Вскрылись ужасающие подробности; обнаружилось, например, что в Петербурге, в центре, ни одна касса никогда не проверялась; все денежные отчеты составлялись заведомо фальшиво, несколько чиновников с сотнями тысяч пропали без вести. В судебных местах император нашел два миллиона дел, по которым в тюрьмах сидело 127 тысяч человек. Сенатские указы оставались без последствий подчиненными учреждениями. Губернаторам назначен был годовой срок для очистки неисполненных дел; император сократил этот срок до трех месяцев, дав неисправным губернаторам положительное и прямое обещание отдать их под суд»¹¹⁷.

В 1826 году Николай I предпринял коренную реорганизацию Собственной его величества Канцелярии. Перед Первым отделением этой Канцелярии была поставлена задача наведения порядка в государственных учреждениях. Николай I был уверен, что в России был избыток чиновников, и из них «весьма многие остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах от праздности...»¹¹⁸ Задачей Второго отделения была кодификация законодательных актов. Третье отделение стало органом административного надзора и политического сыска, на него была также возложена задача доносить императору о слухах и толках на местах – в современной терминологии, задача изучения общественного мнения¹¹⁹. Третье отделение было непосредственным воплощением идеи о «регулярном полицейском государстве», в соответствии с которой полиция должна быть не сколько карательным органом, столько инструментом опеки над подданными. «Государь избрал меня для образования высшей полиции, – писал начальник отделения генерал А. Х. Бенкендорф, – которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными»¹²⁰. Когда А. Х. Бенкендорф попросил у императора инструкции, Николай I подал ему свой носовой платок: «Вот тебе все

инструкции. Чем больше отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!»¹²¹

За этим красивым жестом стояло определенное содержание. 19 июня 1826 года Министерство внутренних дел направило в провинции инструкцию, которая предписывала помещикам «обращаться с крестьянами по-христиански и согласно законам». Предводителям дворянства вменялось в обязанность следить за действиями помещиков и информировать власти о нарушении предписаний; при несоблюдении этой обязанности им грозили строгие дисциплинарные наказания¹²².

Возрождение «регулярного государства» проявилось, прежде всего, в создании всеобъемлющего «Свода законов Российской империи». Однако это был лишь «генеральный регламент» в бесчисленном море регламентов и установлений. В соответствии с теорией «регулярного государства» правительство выпускало тысячи предписаний, регламентируя всю жизнь общества. «Всеобщее представление было таково, что все должно быть приказано и предопределено свыше, — писал В. В. Леонтович. — Всякая инициатива, исходящая от самого населения, отклонялась как нечто недопустимое, как выражение недоверия к правительству... Действительно, правительство при Николае не сомневалось в том, что оно одно призвано решать все государственные проблемы, все приводить в порядок и все проверять, и что оно все это может»¹²³. Однако для того чтобы оперативно «решать все проблемы», императору приходилось работать по восемнадцать часов в день и без конца колесить по стране, проводя инспекции воинских частей, государственных учреждений, фабрик, строительных объектов, больниц, тюрем и т. д. «Мы все на службе не для того, чтобы гулять, а для того, чтобы дело делать», — говорил Николай I¹²⁴.

Примером всеобщей регламентации в духе «регулярного государства» стала реформа государственных крестьян, проведенная ближайшим помощником императора, графом П. Д. Киселевым. В государственной деревне был наведен порядок — в том числе в отношении сбора налогов (где прежде имелись многочисленные хищения)¹²⁵.

Политика монархии в отношении крепостничества в значительной мере определялась влиянием диффузионного фактора. Россия оставалась единственной крепостнической (или, как считали многие, — рабовладельческой) страной в Европе, и это обстоятельство подрывало престиж империи. Разговаривая с П. Д. Киселевым, Николай I называл вещи своими именами: он говорил, что готовится вести «процесс... против *рабства*, когда наступит время, чтобы осво-

бодить крестьян во всей империи»¹²⁶. «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государство и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же... — писал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. — Начинать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа»¹²⁷. В 1841 году император поручил П. Д. Киселеву разработать закон об обязательной инвентаризации, по которому планировалось регламентировать крестьянские повинности по образцу урбаниальной реформы Марии Терезии и Иосифа II. Характерно, что реформа, проектировавшаяся по австрийскому образцу, подкреплялась ссылками на исконно русскую традицию. Введение инвентарей, писал П. Д. Киселев, «совершенно сообразно и с прежними отношениями крестьян наших к помещикам, как сие можно видеть из законов времени царя Иоанна Васильевича III»¹²⁸. Идея возврата к древним порядкам была достаточно популярна в среде высших сановников: еще в 1826 году М. М. Сперанский предлагал восстановить «настоящее крепостное право», то есть прикрепить крестьян не к особе помещика, а к земле и ограничить крестьянские повинности¹²⁹.

Однако Николай I был вынужден отступить перед сплоченным сопротивлением высшей знати и согласился на исключительно добровольное введение инвентарей — естественно, что помещиков, добровольно желающих ограничить свои права, нашлось немного¹³⁰. В 1848 году, воспользовавшись крестьянским восстанием в австрийской Галиции, министр внутренних дел Л. А. Перовский предложил новый проект введения инвентарей, и хотя он не был принят, правительство силой провело инвентаризацию в западных губерниях. После этого знать называла советников императора не иначе как «коммунистами»; в 1848 году по Москве ходила карикатура с подписью: «Идет тень Пугачева, опираясь одной рукой на плечо Перовского, а другой — на плечо Киселева»¹³¹.

Последним в ряду николаевских указов об ограничении крепостного права был секретный указ 1853 года о неукоснительном исполнении забытого павловского закона о трехдневной барщине. Этот указ был издан после подавления крестьянского восстания в Ставропольском крае и в преддверии Крымской войны, которая — уже после смерти царя — поставила вопрос об окончательной отмене крепостничества¹³².

Для всеобщей регламентации требовалось решительное расширение бюрократического аппарата. За полвека (1796–1847) количество ранговых чиновников возросло с 15 до 62 тыс. — государственный аппарат рос в 3 раза быстрее, чем численность населения¹³³. С целью

обучения нового поколения чиновников была создана сеть гимназий немецкого образца, и поскольку дворян не прельщали гражданские «штудии», учениками гимназий были по большей части дети священников. После окончания Училища правоведения или Московского университета наиболее способных молодых чиновников отправляли для дальнейшей подготовки в Берлинский университет. В результате такого обучения, пишет М. Раев, чиновники «приобретали высокое чувство профессиональной ответственности», их идеалом было «служить не только государю и государству, но и народу»¹³⁴.

Какая-то часть русских чиновников позаимствовала у немцев дисциплину и исполнительность, но далеко не все — поэтому Николай I предпочитал иметь на высших должностях настоящих немцев. В те времена формулярные списки чиновников не содержали сведений о национальности, но характерно, что среди членов Государственного Совета в 1853 году было 17% лютеран (и кроме того, было много лиц с немецкими фамилиями, исповедовавших православие)¹³⁵. М. А. Корф писал в 1842 году: «Из 40 человек (членов Госсовета) едва ли найдется пять или шесть, и то из самых младших, которые в состоянии написать по-русски что-нибудь серьезное»¹³⁶. Подсчитано, что из 2867 государственных служащих, состоявших в период империи в высших чинах, 1079 человек (38%) было иностранного, преимущественно немецкого происхождения¹³⁷. «В немецких офицерах и чиновниках русское правительство находит именно то, что ему нужно, — писал А. И. Герцен, — точность и бесстрашие машины, молчаливость глухонемых, стоицизм послушания при любых обстоятельствах, усидчивость в работе, не знающая усталости. Добавьте к этому известную честность (очень редкую среди русских) и как раз столько образованности, сколько требует их должность... добавьте к этому полнейшее равнодушие к участи тех, которыми они управляют, глубочайшее презрение к народу... и всем станет понятно, почему народ ненавидит немцев, и почему правительство их так любит»¹³⁸.

Огорченный современник заметил: «Немцы завоевали Россию в то самое время, когда должен был завершиться процесс их собственного завоевания русскими. Случилось то же, что произошло в Китае с монголами, в Италии с варварами, в Греции с римлянами»¹³⁹. «Немецкий романтизм и немецкая механическая дисциплина были противопоставлены раскрепощенной энергии британцев и галлов», — добавляет А. И. Уткин¹⁴⁰.

В этом третьем или четвертом по счету «немецком нашествии» на Россию явственно проявлялось то обстоятельство, что период правления Николая I был не просто периодом традиционалист-

ской реакции: да, это был период отторжения французского влияния, но возврат осуществлялся не к старинным русским традициям, а к предыдущей, павловской эпохе немецкого влияния — и к современной Николаю консервативной немецкой традиции.

Культурная вестернизация встречала естественное сопротивление народных масс. Поскольку официальная церковь была подчинена «немцам», то русская национальная реакция находила свое выражение в старообрядчестве. Во времена Петра I старообрядцы протестовали против правления «антихриста» массовыми саможжениями. Затем раскольники замкнулись в рамках скрытной, но могущественной секты, стремящейся изолировать своих членов от «нечистого» внешнего мира. Староверы сохранили в неприкосновенности русскую культуру XVII века — стиль и технику иконописания, убранство церквей, традиционные народные мелодии, обряды, язык и народную поэзию¹⁴¹. Правительственные чиновники не раз отмечали массовый характер и сплоченность раскольнических сект. Например, в 1830-х годах ревизор сообщал из Пскова, что здесь имеется 7 тыс. «беспоповцев», это люди исключительно трудолюбивые, непьющие; они всемерно поддерживают вдруг друга, исправно платят подати, но притом ненавидят официальные власти¹⁴².

Националистическая реакция русского образованного общества проявилась в быстро развивавшемся движении славянофилов. Наиболее яркими представителями этого течения были А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. Д. Беляев, братья Константин и Иван Аксаковы. Славянофилы призывали вернуться к патриархальным порядкам Московской Руси, к Земским Соборам, патриаршеству, крестьянской свободе. К. А. Аксаков демонстративно облачился в истинно русский кафтан и отпустил окладистую бороду, но полиция немедленно предписала ему прекратить эту демонстрацию. Суть конфликта заключалась, разумеется, не в бороде. Славянофилы хорошо видели «немецкую» сущность николаевского режима, и Ю. Ф. Самарин осмелился откровенно описать засилье немцев в своих «Письмах об Остзейском крае». Ему пришлось некоторое время провести в тюрьме. «... Ты пустил в народ опасную идею, — объяснил Николай I Ю. Ф. Самарину, — толкуя, что русские цари со времен Петра Великого действовали только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия»¹⁴³.

Немецкое влияние особенно явственно проявлялось в жизни армии. После короткого периода французских заимствований в армию вернулась прусская муштра: прусский строевой шаг, палочная дисциплина, «экзерциции» на плацу и ружейные «темпы». Проис-

хождение этой «фрунтовой науки» не вызывало сомнений. «Это эрцицмейстерство мы переняли у Фридриха II, — писал генерал И. Ф. Паскевич, — который от отца наследовал эту выучку. Хотели видеть в том секрет его побед, не понимая его гения, принимая наружное за существенное»¹⁴⁴. «Этот порядок получил, к сожалению, полную силу со времен вступления на престол императора Николая, — свидетельствует герой 1812 года Д. В. Давыдов. — И подлинно, относительно равнения шеренг и выделявания темпов наша армия бесспорно превосходит все прочие»¹⁴⁵. Император сам — как Павел I и Фридрих Великий — командовал вахтпарадами и проводил строевые смотры. Офицеры уже не могли манкировать своими обязанностями, войска постоянно маршировали по плацу, дисциплина и порядок намного улучшились; армия была хорошо снабжена довольствием и обмундированием¹⁴⁶. На калишских маневрах 1835 года прусскому королю были представлены войска одного из резервных корпусов русской армии, и король был изумлен точностью, с которой эта далеко не элитная часть выполняла все перестроения¹⁴⁷. В 1852 году после очередной инспекции войск в Красносельском лагере Николай I «к истинному своему удовольствию нашел, что строевые образования сих войск доведены до высокой степени совершенства. Доказательством того служат необыкновенный порядок, спокойствие и вместе с тем быстрота и самая подробная отчетливость, с какими исполняются все движения и перестроения»¹⁴⁸. Качество огневой подготовки пехоты царя не интересовало, что отчасти объяснялось установкой на атаку в колоннах и малой эффективностью огня гладкоствольных ружей по сравнению с огнем артиллерии. Однако через три года царю пришлось убедиться в фатальном просчете, который был связан с недооценкой перемен, произошедших с появлением скорострельных нарезных ружей, штуцеров.

В 1850 году Россия была самым могущественным государством Европы: она имела армию в 117 тыс. человек, что составляло 1,95 % населения (против 0,83 % при Екатерине II)¹⁴⁹. «Все без исключения источники, — пишет И. В. Бестужев, — свидетельствуют о том, что в способности русской армии разгромить любую другую армию (или армии) мало кто сомневался перед Крымской войной, не только в России, но и, скажем, в Австрии или Пруссии... Убеждение в том, что 200-тысячная (как это имело место в 1830 и 1849 гг.) или даже вся 700-тысячная полевая армия России с бездушной исполнительностью автомата способна раздавить все попытки сопротивления воле российского императора вне и внутри страны совершенно парали-

зовало многих передовых русских деятелей того времени. Даже революционно настроенные круги, не говоря уже о либеральной оппозиции, нередко приходили в отчаяние от сознания „непобедимости“ самодержавия»¹⁵⁰.

Таким образом, никто не ожидал столь внезапного краха николаевского «регулярного государства». Глубинные процессы, обусловившие его крушение, протекали незаметно для современников — и, во всяком случае, не связывались ими с неотвратимостью перемен.

4.4. БОРЬБА ЗА РЕСУРСЫ

Попытки проведения реформ и сопротивление дворянства отражают динамику отношений государства и элиты. Другим аспектом этих отношений, рассматриваемым в рамках демографически-структурной теории, была борьба за ресурсы. Согласно теории, в период Сжатия государство испытывает финансовые трудности, но не может значительно увеличить налоги из-за сопротивления элиты и народа. В отношении налогов политика Александра I была столь же робкой, как политика Екатерины II. Хотя в 1805 году начались войны с Наполеоном, царь не решался увеличивать налоги; как и при Екатерине, военные расходы финансировались путем печатания ассигнаций. Объем находившихся в обращении ассигнаций, составлявший в 1801 году 221 млн. руб., к 1809 году увеличился до 532 млн. руб. Естественно, это привело к бурной инфляции, и курс ассигнационного рубля упал в 1,7 раза: с 72 до 43 копеек серебром. Цена на хлеб в ассигнациях увеличилась примерно в том же соотношении, следовательно (учитывая, что доходная часть бюджета возросла незначительно), казна потеряла свыше трети своих доходов¹⁵¹. Государственный секретарь М. М. Сперанский утверждал, что существующие налоги с «умножением ассигнаций» и «повышением цен» упали с 1800 года в ущерб казне «более, нежели вдвое»¹⁵².

В 1809 году все доходы государственного бюджета составляли 136 млн. руб., а эмиссия ассигнаций — 127 млн., то есть расходы наполовину финансировались за счет эмиссии. Положение стало нетерпимым, и Александр I поручил М. М. Сперанскому провести финансовую реформу. М. М. Сперанский увеличил денежные ставки подушной подати для крестьян на 30%, а размеры оброчной подати (для государственных крестьян) — на 60%. Кроме того, был увеличен питейный сбор (что задело интересы помещиков), а также впервые был введен чрезвычайный налог на поместья — по 50 копеек с ревиз-

ской души. Благодаря этим нововведениям М. М. Сперанскому удалось увеличить государственные доходы почти вдвое и восстановить тот уровень налогов на душу населения, который существовал в 1803 году (см. рисунок 4.2). В начале 1812 года государственный секретарь попытался временно ввести подоходный налог с недвижимого имущества, в том числе с помещичьих имений. Этот налог (так же, как чрезвычайный налог 1810 года) вызвал бурное негодование помещиков и стал одной из причин падения М. М. Сперанского¹⁵³.

Таким образом, дворянство, с одной стороны, подталкивало правительство к войне с Наполеоном, а с другой стороны, отказывалось оплачивать военные приготовления. Лишь непосредственно в преддверии войны правительство смогло увеличить подушную подать на 50%; оброчная подать государственных крестьян возросла на 25%. Этих сумм было недостаточно для финансирования военных расходов, и правительство вновь обратилось к печатанию ассигнаций. За время войны 1812–1814 годов дефицит бюджета составил 360 млн. рублей; он был более чем наполовину покрыт эмиссией бумажных денег, в результате чего курс рубля упал до 20 копеек серебром, и правительство было близко к банкротству — положение спасли лишь победа и то обстоятельство, что война оказалась непродолжительной¹⁵⁴.

Необходимо отметить, что гиперинфляция была достаточно характерным следствием войны: в условиях Сжатия государство опасается повышать налоги с населения, и единственным способом финансирования войны становится эмиссия бумажных денег, которая вызывает резкий рост цен и расстройство рынка. Другими опасными для государства следствиями Сжатия в условиях войны является ненадежность мобилизуемых в армию крестьян-ополченцев и опасность восстания крестьян в тылу. Восстание Пензенского ополчения в декабре 1812 года было чрезвычайно опасным симптомом; имели место также многочисленные волнения и восстания крестьян в прифронтовых районах¹⁵⁵.

После окончания войны 1812 года правительство столкнулось с волнениями ополченцев, которые не желали снова возвращаться в крепостное состояние. Большую часть демобилизованных ополченцев пришлось вернуть в армию, что вместе с необходимостью поддерживать престиж России в новой геополитической ситуации привело к резкому росту вооруженных сил. Власти пытались решить проблему содержания армии путем перевода отдельных частей в «военных поселенцев»; кроме того, планировалось получить недостающие средства за счет отмены откупов и введения казенной питейной монополии. В соответствии с новыми порядками все вино,

выкуренное на частных предприятиях, должно было поставляться в казенные магазины. Как отмечалось выше, владельцами этих предприятий были исключительно дворяне, причем винокурением занималась и высшая знать. Вскоре начались повсеместные нарушения монополии и подпольная торговля — в итоге монополия была отменена и неудача этой реформы еще раз продемонстрировала слабость центральной власти¹⁵⁶.

Таким образом, в области распределения ресурсов так же, как и в политической сфере, соотношение сил государства и элиты практически не изменилось: элита сохранила свое преобладающее положение.

Конкуренция за ресурсы и влияние между государством и элитой продолжалась и в правление Николая I. Николай I проводил политику укрепления государства; он пытался восстановить четко функционирующий централизованный бюрократический аппарат и считал своей опорой дисциплинированное чиновничество. В рамках демографически-структурной теории чиновничество (несмотря на то, что некоторые чиновники принадлежат также и к элите) считается частью государства и его естественной опорой. В этой связи приобретает большое значение социальное различие между дворянами и чиновниками, ставшее в первой половине XIX века более рельефным. Дворянство, элита российского общества, стало резко отличать себя от чиновничества. «В понятиях того времени гражданская служба вообще не пользовалась особенным сочувствием, — говорится в издании, посвященном 100-летию государственной канцелярии. — Клички „приказный“, „чернильная душа“, „крапивное семя“... наглядно свидетельствовали о пренебрежительном отношении к людям, которым, однако, вверялись важные государственные дела. Для дворян вступление в ряды чиновников считалось даже неуместным, и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц»¹⁵⁷.

С одной стороны, потомственные дворяне часто презирали чиновников, но с другой стороны, от присутствия дворян в среде чиновников зависела степень контроля элиты над государством. По некоторым оценкам, в середине XIX века потомственное дворянство составляло примерно шестую часть чиновников XIV–VIII классов и пятую часть чиновников VIII–V классов¹⁵⁸. Однако потомственные дворяне не обязательно были помещными дворянами, среди них было много беспоместных, обедневших помещиков или детей чиновников, выслуживших дворянство, но никогда не владевших поместьями. В 1858 году среди высших чиновников I–IV классов (которые

все были потомственными дворянами), землевладельцев было 54%, а владельцев родовых поместий, то есть настоящих помещиков — 34%. В среде высшей бюрократии ситуация была иной; в 1853 году практически все члены Государственного Совета были землевладельцами, а 69% из них — крупными латифундистами, владельцами более чем 1 тыс. душ или 5 тыс. десятин каждый¹⁵⁹. Эта ситуация отражала преобладающее положение элиты по отношению к государству: через своих представителей, занимающих высшие государственные посты, элита контролировала принятие наиболее важных правительственных решений. Преобладание латифундистов определяло позицию Совета, в частности, по вопросу об отмене крепостного права. «... Есть при том и такие предметы или вопросы, по которым... Совет вдруг становится чрезвычайно упорным, — писал член Госсовета М. А. Корф, — и ничего не слушая, не склоняясь ни к каким рассуждениям, как упрямый осел, только лягается... Таковы особенно все дела о крепостном состоянии...»¹⁶⁰

Со времен Петра I чиновник, занявший первую «классную» должность (XIV ранга) становился личным дворянином, а должности, начиная с VIII класса, давали потомственное дворянство — таким образом, высшее чиновничество вливалось в ряды дворянства. В николаевское время социальное различие между дворянством и чиновничеством стало более резким, и дворянство постаралось ограничить приток в свои ряды выходцев из «неблагородных». С 1845 года чиновники получали личное дворянство, лишь начиная с IX класса, чиновники более низких рангов считались «почетными гражданами». Потомственное дворянство теперь давалось лишь чиновникам V класса, а с 1858 года — IV класса, что соответствовало высокой должности действительного статского советника. Чиновники-дворяне четырех высших классов в 1858 году составляли лишь 1% от общей численности бюрократии; таким образом, между чиновничеством и дворянством пролегла резкая грань, и шансы чиновника стать потомственным дворянином стали призрачными¹⁶¹.

Вследствие резкого сокращения социальной мобильности стала складываться каста потомственных чиновников — детей личных дворян, которые шли по стопам своих отцов. В середине XIX века численность потомственных чиновников достигала 40% от общего числа чиновников VIII–V классов¹⁶². Не имея возможности влиться в среду потомственных дворян, чиновники без сочувствия относились к привилегиям дворянства и связывали свои надежды с упрочением самодержавия. Таким образом, в социальном отношении новое этакетическое чиновничество противостояло старой аристократии.

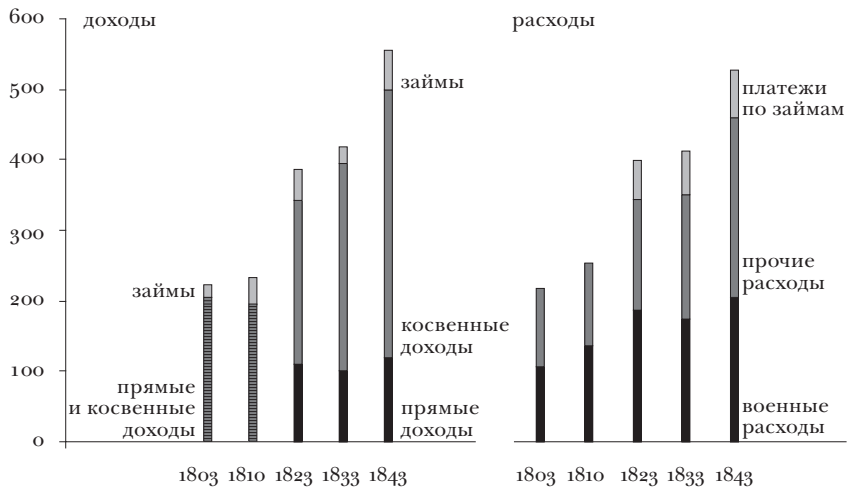


рис. 4.1. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX века (в пересчете на хлеб, млн. руб.)¹⁶³.

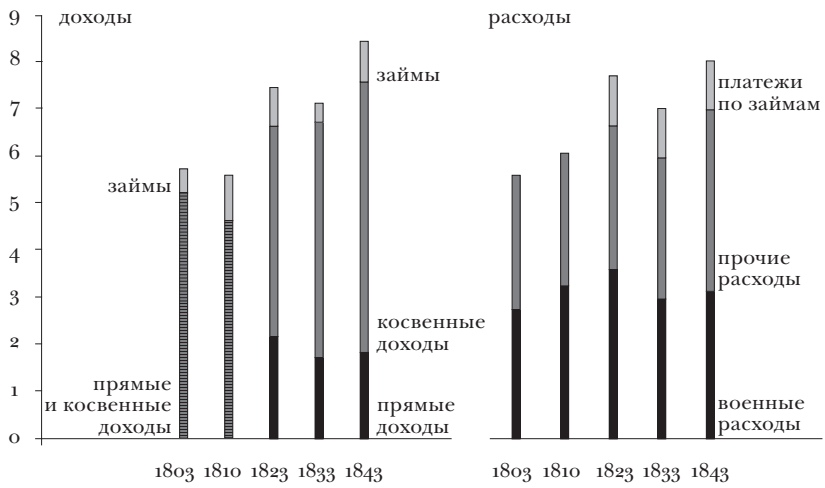


рис. 4.2. Доходы и расходы государственного бюджета в первой половине XIX века в расчете на душу населения (в пудах хлеба)¹⁶⁴.

Небогатые служаки с раздражением взирали на дворцы «плантаторов» и, естественно, выступали против ущемляющих их интересы привилегий знати. Многие из них считали своим долгом служить народу и негативно относились к крепостному праву. М. Раев характеризует отношения между бюрократией и дворянством как «подспудный и жестокий конфликт»¹⁶⁵.

Отражением возрастающей силы государства был рост доходов казны (рисунок 4.1). В пересчете на хлеб доходы на душу населения возросли с 5,2 до 7,6 пудов, но увеличения прямых доходов (подушной подати и казенных оброков) при этом не отмечалось: государство по-прежнему не осмеливалось увеличивать прямое обложение помещичьих крестьян. Рост доходов происходил за счет косвенных налогов, питейной подати и таможенных пошлин — но в итоге он позволил сохранить тот уровень военных расходов, который был достигнут во время наполеоновских войн.

В целом, несмотря на некоторые сдвиги, социально-экономическая система России в первой половине XIX века находилась в состоянии относительной стабильности. Дворянство по-прежнему занимало преобладающее положение в структуре «государство — элита — народ» и блокировало попытки государства изменить существующий порядок. Хотя монархия укрепила свое положение, она не решалась пойти на конфликт с дворянством.

4.5. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

В неомальтузианской теории главными признаками наступления фазы Сжатия являются отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения. Как отмечалось в предыдущей главе, эти признаки начинают появляться в Центральном районе в 1730-х годах и становятся явными в 1780-х годах. В то же время в Черноземном районе до конца XVIII века происходит процесс колонизации и освоения новых земель, Сжатие пришло в этот район позже, поэтому нельзя говорить о одновременном переходе Европейской России в новую фазу демографического цикла. Тем не менее, как мы увидим далее, падение среднего уровня потребления позволяет датировать переход в фазу Сжатия на большей части территории страны в широких рамках первой половины XIX века — этим и объясняется название четвертой главы нашего исследования.

В рамках неомальтузианской теории основными параметрами, характеризующими экономическую динамику, являются данные о посевах, сборах, потреблении и росте населения.

Общая динамика экономического положения в первой половине XIX века обычно реконструируется по данным губернаторских отчетов. Среди историков нет единого мнения по поводу степени достоверности этих отчетов; часть специалистов полагает, что они занижают валовые сборы. Известно, что в 1880-х годах губернаторские отчеты занижали размеры сборов по сравнению с более точными данными Центрального Статистического Комитета в среднем на 7%¹⁶⁶. В. К. Яцунский вводит поправку в данные губернаторских отчетов в 7,4%, а Б. Н. Миронов — в 10%¹⁶⁷. С другой стороны, группа авторитетных исследователей (И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов, А. С. Нифонтов и др.) не считает нужным вводить какие-либо поправки в официальные данные¹⁶⁸.

Сопоставимые данные за 1800–1860 годы имеются лишь для 36 из 50 губерний Европейской России, в том числе для всех 7 центральных губерний и для 5 из 7 черноземных губерний (таблица 4.3)¹⁶⁹. В целом данные губернаторских отчетов говорят о том, что в начале XIX века средний уровень потребления был еще достаточно высоким — более 24 пудов на душу населения. Однако существовали значительные порайонные различия, если на Черноземье чистый душевой сбор превышал 34 пуда, то в перенаселенном Центральном районе он составлял только 17 пудов. Хотя за полвека посевы возросли, но урожайность упала, и рост населения привел к падению чистого сбора в среднем по 36 губерниям до 18,9 пуда. График на рисунке 4.3 в целом подобен графику классического демографического цикла, однако надо учесть, что перед нами лишь фрагмент более широкой картины, что рост населения происходил на протяжении всего XVIII века, а падение потребления — по крайней мере с 1760-х годов — так что этот график можно рассматривать как продолжение графика на рисунке 3.5.

Кроме того, необходимо выяснить, насколько кривая потребления приблизилась к нижней асимптоте — минимальной норме потребления. Уровень чистого сбора не вполне совпадает с уровнем потребления, так как часть зерна шла на экспорт. Экспорт в расчете на душу населения для всей России составлял в 1802–1811 годах 0,3 пуда, а в 1851–1860 годах — 1 пуд¹⁷⁰, то есть с учетом экспорта душевое потребление в 36 губерниях составляло примерно 18 пудов, а с учетом поправки в 7% — около 20 пудов. Какова была минимальная норма для того

Табл. 4.1. Динамика численности населения, посевов, сборов и урожайности в 1802–1860 годах по данным губернаторских отчетов¹⁷¹.

| | 1802–1811 | 1841–1850 | 1851–1860 |
|---|-----------|-----------|-----------|
| <i>36 губерний Европейской России</i> | | | |
| Численность населения (млн.) | 28,8 | 38,9 | 42,7 |
| Посев (млн. пуд.) | 278,3 | 329,5 | 347,8 |
| Сбор (млн. пуд) | 974,4 | 1147,4 | 1153,5 |
| Урожайность (сам-) | 3,5 | 3,5 | 3,3 |
| Чистый сбор (млн. пуд.) | 696,1 | 817,9 | 805,7 |
| Чистый сбор на душу населения (пуд.) | 24,2 | 21,0 | 18,9 |
| <i>7 центральных губерний: Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская</i> | | | |
| Численность населения (млн.) | 6,6 | 7,9 | 8,6 |
| Посев (млн. пуд.) | 65,6 | 73,6 | 78,2 |
| Сбор (млн. пуд) | 183,1 | 211,4 | 221,6 |
| Урожайность (сам-) | 2,8 | 2,9 | 2,8 |
| Чистый сбор (млн. пуд.) | 117,5 | 137,9 | 143,4 |
| Чистый сбор на душу населения (пуд.) | 17,8 | 17,5 | 16,7 |
| <i>5 черноземных губерний: Тульская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская</i> | | | |
| Численность населения (млн.) | 5,6 | 6,8 | 7,5 |
| Посев (млн. пуд.) | 64,5 | 75,0 | 79,9 |
| Сбор (млн. пуд) | 258,0 | 289,4 | 278,2 |
| Урожайность (сам-) | 4,0 | 3,9 | 3,5 |
| Чистый сбор (млн. пуд.) | 193,6 | 214,4 | 198,3 |
| Чистый сбор на душу населения (пуд.) | 34,6 | 31,6 | 26,4 |

времени? Как отмечалось выше, минимальная норма потребления хлеба в пищу составляет 15,5 пудов, однако часть зерна расходуется дополнительно на корм скоту. И. Вильсон полагал, что на каждую лошадь в год расходуется 2,5 четверти (14,3 пуда) овса¹⁷². В Европейской России в 1850-х года на 58,4 млн. населения приходилось 15,1 млн. ло-

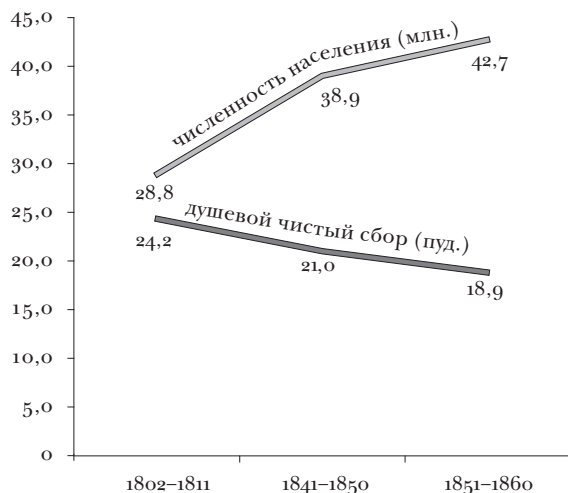


рис. 4.3. Динамика населения и душевого чистого сбора зерна в 36 губерниях России по данным губернаторских отчетов.

шадей¹⁷³, таким образом, на одну душу требовалось 3,7 пуда овса только для лошадей. С другой стороны, Л. В. Тенгоборский в 1854 году оценивал общую потребность в фураже в 51 млн. четвертей, что дает 5,3 пуда на душу¹⁷⁴. Исходя из этих оценок, можно полагать, что минимальное потребление фуража составляло 4–5 пудов на душу, а в сумме минимальная норма потребления в пищу и на фураж составляла 19,5–20,5 пудов. Нужно учесть, однако, что в Нечерноземье было больше пастбищ, чем в черноземных областях, поэтому расход зерна на фураж и норма потребления могли быть на 1–2 пуда меньше. На Черноземье, наоборот, норма потребления могла быть на 1–2 пуда больше.

Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX века привело к тому, что потребление (в среднем по 36 губерниям) вплотную приблизилось к минимально возможной норме. Это означает, что на большей части территории страны наступило *Сжатие*. Таким образом, можно утверждать, что в целом по России рост населения (в соответствии с демографически-структурной теорией) сопровождался уменьшением душевых сборов хлебов и падением потребления. Падение потребления, в свою очередь, замедлило рост населения; естественный прирост уменьшился с 0,91% в 1795–1833 годах до 0,58% в 1834–1850 годах и до 0,49% в 1851–1857 годах¹⁷⁵. Однако существовали значительные порайонные различия (таблица 4.2).

Табл. 4.2. Динамика среднегодового естественного прироста и душевого чистого сбора в 1802–1860 годах¹⁷⁶.

| Даты для душевого сбора | Даты для естественного прироста | 7 центральных губерний | | Рязанская, Тамбовская, Курская, Пензенская, Тульская | | Тульская | |
|-------------------------|---------------------------------|------------------------|--------------------------|--|--------------------------|---------------------|--------------------------|
| | | Душевой сбор (туд.) | Естественный прирост (%) | Душевой сбор (туд.) | Естественный прирост (%) | Душевой сбор (туд.) | Естественный прирост (%) |
| 1802–1811 | 1795–1811 | 17,3 | 0,47 | 32,7 | 0,76 | 33,1 | 0,71 |
| 1841–1850 | 1834–1850 | 17,0 | 0,16 | 31,1 | 0,35 | 40,0 | 0,08 |
| 1851–1860 | 1851–1857 | 16,2 | 0,22 | 24,9 | 0,86 | 34,70 | 0,26 |

Коэффициент естественного прироста, указанный в этой таблице, — это так называемый брутто-коэффициент, показывающий средний прирост населения за год с учетом миграций. Когда речь идет о популяционной динамике большого региона или сословия учет пространственных и социальных миграций представляется естественным и необходимым. Уровень потребления влияет на миграции точно так же, как на рождаемость и смертность, поэтому их учет тем более необходим в работах, посвященных изучению связей между этими факторами. Увеличение ренты и уменьшение потребления побуждало крестьян всеми возможными способами — в том числе бегством — стремиться покинуть сословие крепостных. Такого рода миграции, конечно, уменьшали естественный прирост крепостных, но мы не имеем права не учитывать эти явления, сводя демографическую динамику к нетто-коэффициенту естественного прироста, как это пытались сделать некоторые авторы¹⁷⁷. Нетто-коэффициент равен разности коэффициентов рождаемости и смертности; в случаях, когда имеется значительная эмиграция, умершие эмигранты не учитываются коэффициентом смертности, поэтому нетто-коэффициент искажает реальную картину популяционной динамики. При этом безразлично, идет ли речь о динамике численности населения отдельного региона или об изменении численности отдельного сословия (в частности, крепостных крестьян). Далее в этой работе используется только брутто-коэффициент естественного прироста.

Возвращаясь к данным таблицы 4.2, можно заметить, что в центральных губерниях душевой сбор находился на уровне или даже ниже минимальной нормы уже в начале столетия; это свидетельствует о том, что здесь уже существовало аграрное перенаселение и регион с трудом обеспечивал себя продовольствием. На протяжении полувека душевой сбор практически оставался постоянным; он лишь немного уменьшился. Низкое потребление привело к падению естественного прироста в 1833–1850 годах до 0,16% — уровня, при котором можно говорить о демографической стагнации. В 50-х годах XIX века положение несколько улучшилось, по-видимому, в результате ввоза продовольствия извне. Действительно, в 1850-х годах только в Москву из черноземных областей доставлялось 23 млн. пудов хлеба в год¹⁷⁸, что давало в расчете на душу населения центральных губерний дополнительно 2,7 пуда. Таким образом, реальное потребление в Центральном районе, по-видимому, немного превышало голодный минимум, что и объясняет рост населения.

В Черноземном районе в начале столетия душевой сбор был вдвое больше, чем в Центральном районе. В начале века, несмотря на потери в войнах, численность населения быстро росла, но в 1834–1850 годах темпы естественного прироста упали вдвое, хотя душевое производство почти не изменилось. В 1850-х годах естественный прирост, наоборот, увеличился вдвое, и эти странные колебания невозможно объяснить исходя из классической теории. Наиболее странной выглядит ситуация в Тульской губернии: в 1834–1850 годах здесь отмечается стагнация населения при том, что душевое производство находилось на очень высоком уровне (таблица 4.2).

Факт отсутствия корреляции между душевым производством и естественным приростом в Черноземном районе был в свое время отмечен И. Д. Ковальченко¹⁷⁹. В. М. Кабузан считал, что понижающее влияние на темпы роста населения оказало крепостничество, и это влияние особенно проявилось с 40-х годов XIX века¹⁸⁰. А. И. Комиссаренко указывал на связь между естественным приростом в различных губерниях и долей крепостных в их населении¹⁸¹. Действительно, корреляционный анализ показывает, что существует тесная связь: чем больше в губернии крепостных, тем меньше естественный прирост. В целом по шести губерниям Черноземья (кроме Курской) естественный прирост крепостного населения упал с 0,62% в 1795–1833 годах до минус 0,03% в 1834–1850 годах, то есть при достаточно большом душевом производстве началась внезапная стагнация. Именно эта стагнация и была основной причиной резкого уменьшения общего прироста населения — с 0,9% в 1795–1833 годах

Табл. 4.3. Размеры запашки на душу населения в конце XVIII и в середине XIX века (в дес.)¹⁸².

| Губерния | Уезды | Барщинная запашка | | Крестьянская запашка | |
|------------|---|-------------------|-----------------|----------------------|-----------------|
| | | Кон. XVIII в. | Середина XIX в. | Кон. XVIII в. | Середина XIX в. |
| Тамбовская | Темниковский, Спасский, Шацкий, Тамбовский, Усманский | 0,5 | 1,2 | 1,4 | 1,0 |
| Рязанская | Сапожковский, Скопинский | 0,5 | 1,2 | 1,9 | 1,2 |
| Тульская | все уезды губернии | 0,6 | 1,3 | 1,4 | 1,1 |

до 0,37% в 1834–1850 годах. Статистический анализ имеющихся погубернских данных позволил обнаружить связь между ростом населения и двумя факторами: нормой барщины (отрицательная корреляция) и отношением средней величины крестьянского надела к норме барщины (положительная корреляция). Размеры барщины объясняли 64% вариаций в естественном приросте, а два фактора вместе — 79%¹⁸³. Таким образом, темпы роста крепостного населения на Черноземье в основном зависели от соотношения размеров барщины (которая была негативным фактором) и величины надела (которая была позитивным фактором).

Естественно предположить, что причиной наступившей в 30-х годах стагнации крепостного населения был резкий рост повинностей. В принципе известно, что в конце XVIII — первой половине XIX века барщина существенно возросла. В литературе имеются сведения о размерах барщинной и крестьянской запашки в некоторых губерниях района. Как следует из приведенных в таблице 4.3. данных, за указанный период барщина возросла более чем в 2 раза, и в соответствии с имеющейся корреляцией это должно было привести к уменьшению естественного прироста.

Таким образом, результаты корреляционного анализа говорят о том, что в 1840–1850-х годах уровень естественного прироста крепостных крестьян в шести губерниях в основном определялся уровнем оброков и барщины. Отсюда следует, что остановка роста крепостного населения на Черноземье была вызвана главным образом

увеличением барщинных норм, то есть перераспределением ресурсов в структуре «государство — элита — народ».

В обстановке тяжелой эксплуатации менялось и демографическое поведение крестьян: отцы, желая сохранить рабочие руки, не отдавали своих дочерей замуж и требовали большой выкуп. Когда крестьян одной из вотчин Шереметевых спросили, почему они не женаты, крестьяне ответили: «Хотя невесты есть, но они дороги и купить не на что, а отводу отцы невест берут по 20 рублей, по 30 рублей и более. И если они такие деньги заплатят, то должны лошадь или какой другой скот продать и через то прийти в разорение...»¹⁸⁴ В особенно тяжелом положении находились крестьяне мелких имений: они не могли жениться в своей деревне, так как обычно она была населена родственниками, и не могли купить невесту, так как соседние помещики запрещали вывод невест в чужие поместья¹⁸⁵. Уменьшение числа детей в семьях проявилось в росте доли трудоспособного населения в общем населении деревень, причем этот рост был наиболее заметным в беднейшей прослойке крестьян¹⁸⁶. По-видимому, это было результатом повышения детской смертности и сокращения рождаемости. Имеющиеся статистические данные по Харьковской (1808–1817 гг.) и Полтавской (1835–1850 гг.) губерниям показывают, что рождаемость и естественный прирост у помещичьих крестьян были существенно меньше, чем у государственных¹⁸⁷.

Стагнация крепостного населения имела место и в масштабах всей страны. В 1833 году общая численность помещичьих крестьян в Европейской России составляла 22,4 млн., а в 1857 году — 22,1 млн. человек¹⁸⁸. Механизм этой стагнации включал в себя такие факторы, как бегство крепостных, попытки перейти в другие сословия, ограничение рождаемости и рост смертности. Эти факторы были непосредственно связаны с уровнем жизни крепостных и находят объяснение в основном через корреляцию с барщиной. Однако существовал также один официальный канал выхода из крепостного сословия — рекрутские наборы. По подсчетам В. М. Кабузана, в 1835–1850 годах было взято в рекруты 546 тыс. крепостных крестьян; смертность в армии за этот период составила 44%, следовательно, 306 тыс. крепостных за 16 лет получили свободу¹⁸⁹. В 1835 году в России насчитывалось 1447 тыс. крепостных душ мужского пола, и можно подсчитать, что в среднем за год через армию переходило в сословие государственных крестьян 0,165% крепостных. В 1833–1850 годах крепостное население уменьшалось в среднем на 0,0325% в год, следовательно, если бы рекруты не выходили из крепостного состояния, то рост составил бы 0,132% в год. Если сравнить этот процент с 0,76% роста

(даже с учетом ухода рекрутов) в 1815–1833 годах, то вывод о происшедшей в этот период стагнации останется неизменным¹⁹⁰.

Когда произошло то масштабное перераспределение ресурсов, которое вызвало стагнацию крепостного населения? Имеющиеся массовые данные (таблица 4.3) разделены большим временным промежутком, и неясно, когда именно на протяжении этого промежутка имел место рост барщины, был ли он постепенным или происходил резкими скачками. Величина барщины и оброка имела чрезвычайно высокую корреляцию (0,95)¹⁹¹, и это позволяет достаточно уверенно предполагать, что барщина и оброк росли одновременно, таким образом, данные об оброке могут восполнить пробел в данных о барщине.

Динамика оброка в ряде крупных поместий Черноземного региона представлена на рисунке 4.4. Чтобы исключить инфляцию (в том числе и по отношению к серебру), мы пересчитали оброки на хлеб соответственно уровню цен. Поскольку крестьяне выращивали преимущественно рожь и овес, то было принято, что в пуде условного «хлеба» содержится 60% ржи и 40% овса, и, соответственно, при расчетах учитывались текущие цены на эти продукты.

В целом из приведенных данных складывается следующая картина. В начале XIX века финансирование войн с Наполеоном потребовало огромной эмиссии ассигнаций; это вызвало инфляцию и невиданный до того времени рост цен. Помещики увеличивали оброки, но не могли угнаться за ценами: их сдерживала опасность нового крестьянского восстания. В 1807 году Наполеон освободил крестьян в Польше, вследствие чего прусский король был вынужден объявить об освобождении крепостных в Пруссии. Над Россией постоянно висела угроза французского вторжения, которое могло привести к крестьянской войне. Один за другим производились чрезвычайные рекрутские наборы, от крестьян требовали все возрастающий «налог кровью». В 1810–1811 годах было взято в армию 211 тыс. рекрутов, в 1812 году — 420 тысяч рекрутов¹⁹². В такой обстановке помещики были вынуждены смириться со значительным падением реального оброка в пересчете на хлеб (см. рисунок 4.4).

Однако, вернувшись победителями из Парижа, русские дворяне пожелали жить по-парижски. Новая волна потребительства предопределила новую волну повышения оброков, которая превзошла все, что было до тех пор. В 1815–1828 годах денежные оброки возросли в 2–3 раза, затем началось падение цен, дополнительно усилившее тяжесть эксплуатации. На Черноземье за 10 послевоенных лет оброк в хлебном исчислении вырос втрое, с 4–6 до 17–20 пудов на душу, и достиг предела крестьянских возможностей.

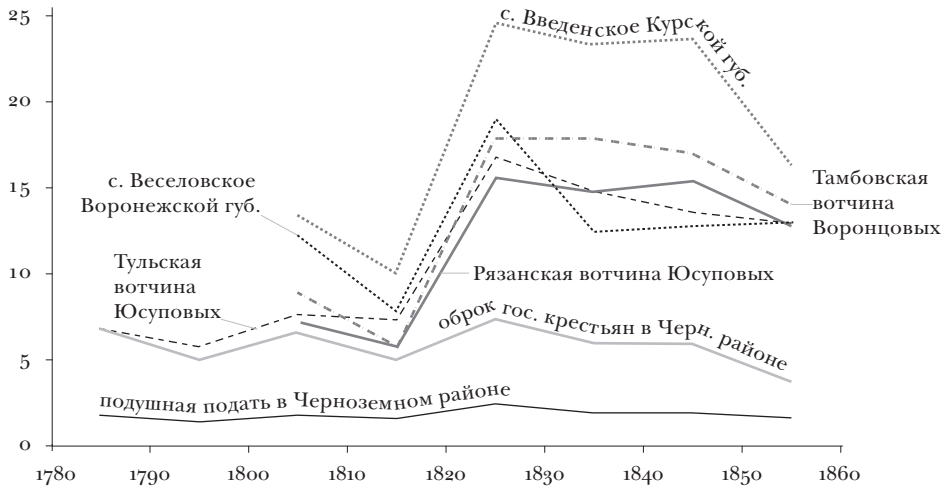


рис. 4.4. Динамика оброков на Черноземье в 1780–1850-х годах (в пудах хлеба на душу населения)¹⁹³.

Вторая волна повышения ренты сопровождалась новым бурным оживлением дворянского предпринимательства. В 1818 году было основано Общество сельского хозяйства, имевшее экспериментальную ферму и земледельческую школу для подготовки приказчиков помещичьих хозяйств. В отличие от времен первого предпринимательского бума (в 1760–1770-х годах) основное внимание теперь уделялось не организации барщинного хозяйства, а интенсификации аграрного производства, новым сортам зерновых, травосеянию, распространению посевов картофеля и сахарной свеклы¹⁹⁴.

Вторая четверть XIX века стала временем расцвета барщинных латифундий Черноземья. Три четверти из 4,3 млн. помещичьих крестьян этого региона находились на барщине; в 1850-е годы Черноземье поставляло — в основном в Центральные области — около 50 млн. пудов хлеба, еще 10 млн. пудов расходовалось на производство водки. В целом на вывоз и винокурение шло около 30% чистого сбора хлеба. В это время Москва потребляла 23 млн. пудов в год, Петербург — около 30 млн. пудов. Каждый год тысячи барж с зерном спускались по рекам на Север, к Оке и Москве; часть из них бурлаки тащили вверх по Волге и по каналам — к Петербургу. Назад баржи не возвращались, это была односторонняя торговля: по Рязанской губернии, к примеру, вывоз превышал ввоз в 10 раз¹⁹⁵.

По сравнению с концом XVIII века средняя норма барщинной запашки увеличилась в 2 раза. В целом по Черноземью площадь барщинных полей лишь немного уступала общей площади наделов помещичьих крестьян¹⁹⁶. Механизм, через который увеличение барщины приводило к падению уровня жизни и к уменьшению естественного прироста, хорошо известен: это был механизм доведенной до предела интенсификации труда. Для интенсификации труда использовалась урочная система, и время, полагавшееся на выполнение «уроков», было урезано вдвое по сравнению с нормами конца XVIII века¹⁹⁷. Темп работы на барщине поддерживался суровыми наказаниями «за леность»; в имении Гагариных, например, в 1819–1858 годах в среднем в год подвергался телесному наказанию каждый четвертый крестьянин¹⁹⁸. Летняя барщина отнимала у крестьянина в среднем 4 дня в неделю; работать должны были все, женщины с грудными детьми работали на току, старики сторожили урожай, 10-летние мальчики работали на возке навоза и бороновании, а малые дети подбирали за жнецами упавшие колоски¹⁹⁹. В зимнее время крестьяне выполняли тяжелую барщину по доставке помещичьего зерна в большие города или к речным пристаням. По некоторым оценкам, за полвека извозная повинность в Московской, Тульской и Рязанской губерниях увеличилась в 2–3 раза. В зимнее время эту повинность отбывали до 3 млн. крестьян, в Москву ежегодно доставлялось минимум 450 тыс. саней с хлебом. Наезженные годами тракты превращались зимой в живую реку обозов и грузов; подводная повинность отнимала у крестьян почти столько же сил и времени, сколько барщинная работа летом. В одном из сел князя Волконского в Саратовской губернии каждая крестьянская семья («тягло») должна была в течение зимы доставить за 200 верст на пристань в Моршанске 6 подвод с хлебом. По суммарному расстоянию это было то же самое, что заставить крестьянина отвезти одну подводу с хлебом в Петербург²⁰⁰.

Многочисленные свидетельства говорят о том, что постоянно занятые на барщине крестьяне не успевали производить работы на своем участке — хотя работали от восхода до заката, и в воскресные, и в праздничные дни, а иногда и ночью. Сплошь и рядом крестьянам приходилось употреблять в пищу невызревшее или проросшее зерно; из-за нехватки времени муку не очищали от спорыньи, и такой хлеб был вреден для здоровья²⁰¹. Тяжелый, выматывающий труд сказывался на психическом состоянии крестьян. «От недостатка скота и хлеба происходит и чрезмерная бедность барщинных крестьян, доведшая их до отчаяния... — писал приказчик одного из крупных имений, — следствие чего есть необыкновенное равнодушие

к своему положению»²⁰². «Самое существенное, на наш взгляд, — пишет о положении крестьян Л. В. Милов, — состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением пассивное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи... В итоге такие крестьяне... „смерть свою за покои считают“»²⁰³.

Таким образом, есть все основания полагать, что главной причиной демографической стагнации крепостного населения в 1830–1840-х годах было повышение уровня ренты, сопровождавшееся усилением внеэкономического принуждения.

Перераспределение ресурсов не сводилось к повышению ренты; оно означало также и сокращение крестьянских наделов. Крестьянское малоземелье является основным признаком *Сжатия*, но на Черноземье малоземелье было результатом экспроприации крестьян, и следовательно, Сжатие в этом регионе носило искусственный характер — оно было ускорено демографически-структурным процессом, перераспределением ресурсов (в данном случае земли) в пользу элиты.

Помещики оставляли барщинным крестьянам мизерные наделы, едва обеспечивавшие прожиточный минимум при обычном урожае. Такая практика лишала крестьян возможности создавать запасы на случай голода. В конечном счете, так же как в 1780-х годах, наступление элиты на крестьянство должно было привести к демографическому кризису.

В 1840–1850-х годах широко распространилась практика сгона крестьян с земельных наделов; экспроприированные крестьяне должны были работать на барщине за «месячину» — месячные продуктовые пайки. Эта практика было аналогична той, которая применялась на польских и остзейских барщинных фольварках (*Bauernlegen*)²⁰⁴. В Центрально-Черноземном районе эта практика была распространена меньше, чем в Западных областях; здесь помещики обычно ограничивались урезанием крестьянского надела. Средний надел крестьян Черноземного района в конце XVIII века составлял 1,3–1,7 десятин на душу, к середине XIX века он уменьшился до 1,0–1,3 десятин на душу. Это была грандиозная экспроприация крестьянства, которая определила все будущее развитие деревни: именно эта экспроприация была причиной крестьянского малоземелья, проблемы, впоследствии ставшей роковой для России.

По расчетам Л. В. Милова и И. Д. Ковальченко, надел, оставленный крестьянам, был той нормой, которая обеспечивала минимальные возможности для простого воспроизводства²⁰⁵. В Рязанской гу-

бернии крестьяне имели 1 дес. пашни на душу, что при среднем урожае 1840-х годов давало им лишь 16,8 пуда чистого сбора²⁰⁶. При этом необходимо было заплатить подушную подать, эквивалентную по местным ценам 1,4 пудам хлеба. Постоянно занятые на барщине, крестьяне практически не имели возможности зарабатывать деньги промыслами, поэтому, очевидно, их потребление было на уровне минимальной нормы в 15,5 пудов. Оброчные крестьяне имели такой же надел, что и барщинные, но вместо барщины, должны были платить оброк, эквивалентный в конце 1850-х годов 9–10 пудам²⁰⁷. Очевидно, что оброчные крестьяне были вынуждены зарабатывать деньги для уплаты оброка ремеслом и отходничеством; оценка этих доходов затруднена недостатком данных, тем не менее И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов выполнили такой расчет для Рязанской губернии и установили, что заработки оброчных крестьян не обеспечивали минимального уровня потребления²⁰⁸.

Интегральным показателем крайнего предела эксплуатации крестьян и невозможности исполнять требования помещика был *огромный рост недоимок по оброкам*. Примеры, приводимые В. А. Федоровым, показывают, что в 1820–1830-е годы недоимка возросла во много раз и зачастую в 2–3 раза превышала годовую сумму оброка. Это говорит о том, что у крестьян отнимался не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта²⁰⁹. «Приобретенные крестьянами от их помещиков выгоды обеспечивали им лишь *минимум* средств существования, — подчеркивал А. Д. Повалишин, — и не давали возможности даже в отдаленном будущем думать об улучшении этого положения... Наоборот, весь ход развития помещичьего хозяйства давал основание заключить о переходе крестьян в совершенное рабство...»²¹⁰

В урожайные годы остававшегося у крестьян зерна еще хватало на пропитание, но в неурожайные годы наступал голод. После резкого увеличения оброков и барщины в 1815–1825 годах у крестьян не было запасов хлеба, и каждый неурожай приводил к резкому росту цен и голоду. Неурожай и голод на Черноземье отмечался в 1833–34, 1839–1840, 1848, 1856 годах. «В голодные зимы положение крестьянина и его семьи ужасно, — писал в 1841 году А. П. Заблоцкий-Десятковский. — Он ест всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома — все идет в пищу. Притом ему не на что купить соли. Он почти отравляется, у него делается понос, он пухнет или сохнет. Являются страшные болезни... У женщин пропадает молоко в груди, и грудные младенцы гибнут, как мухи. Никто не знает этого потому, что никто не посмеет писать или громко толковать об этом, да и многие ли заглядывают в лачуги крестьянина?»²¹¹

Необходимо отметить, что современные исследователи отмечают наличие прямой корреляции между угнетенным психическим состоянием людей, заболеваемостью и смертностью. Причем речь идет не только о том влиянии, которое оказывает на психику людей ухудшение их материального положения, но и о прямом воздействии социального насилия и приниженного социального статуса на процессы воспроизводства населения. «Уже общепризнанно, — пишет В. С. Томилина, — что длительное состояние страха, неуверенности, низкая самооценка оказывают серьезное влияние на здоровье: вызывают депрессию, повышение предрасположенности к инфекционным заболеваниям, диабету... сердечно-сосудистым заболеваниям»²¹².

Представление об уровне социального насилия дает исследование Д. Л. Мордовцева, который на основании архивных дел составил сводку жалоб крестьян Саратовской губернии²¹³. Из этой сводки видно, что в помещичьих имениях применялись розги, палки, шпигруты, «битье по зубам каблуком», «битье по скулам кулаками», «подвешивания» за руки и за ноги на шесты, «вывертывание членов» посредством подвешивания, так называемая «уточка» (связывание рук и ног и продевание на шест), надевание «шейных желез», «конских кандалов», «личной сетки» (для пытки голодом), опаливание лучиной волос у женщин «около естества», «взнуздывание», «сажание в куб», «ставление на горячую сковороду», «набивание деревянных колодок на шею», сечение «солеными розгами» и «натиране солью» по сеченым местам, принуждение работать с колодками на шее, «забивание в рот кляпа», употребление железных ошейников и т. д.²¹⁴ Систематический характер имело насилие помещиков над крепостными девушками. Д. Л. Мордовцев говорит о случаях поголовного отбирания крестьянских девушек в наложницы: «для барского двора и постельного дела всех девок из имения выбрал», «из покупных и из наших девок сделал для своей похоти турецкий гарем», некоторые помещики требовали в барский дом молодых женщин на ночь, «отчего крестьянские дети без матерей от крику в люльках задыхаются». Оренбургский помещик Сташинский растлевал девочек, которым было 12–14 лет, причем двое из них умерли после изнасилования — но насильник не понес никакого наказания²¹⁵. А. фон Гакстаузен свидетельствует, что помещики в массовом порядке посылали женщин в Москву и Петербург для зарабатывания оброка проституцией. Некоторые помещики создавали в столицах публичные дома из крепостных рабынь²¹⁶.

«Роскошь цветов и ливрей в домах петербургской знати меня сначала забавляла, — писал маркиз де Кюстин. — Теперь она меня возму-

щает, и я считаю удовольствие, которое эта роскошь мне доставляла, почти преступлением... Я невольно все время высчитываю, сколько нужно семей, чтобы оплатить какую-нибудь шикарную шляпку или шаль. Когда я вхожу в какой-нибудь дом, кусты роз и гортензий кажутся мне не такими, какими они бывают в других местах. Мне чудится, что они покрыты кровью. Я всюду вижу оборотную сторону медали. Количество человеческих душ, обреченных страдать до самой смерти для того лишь, чтобы окупить материю, требующуюся знатной даме для мебелировки или нарядов, занимает меня гораздо больше, чем ее драгоценности или красота»²¹⁷.

Иногда признания такого рода раздавались из уст самих помещиков. Известный малороссийский меценат Г. П. Галаган писал после осмотра своей нищей деревни: «О, когда-нибудь воздастся мне за это от Бога, от брата бедных; тут будет плач и скрежет зубов»²¹⁸.

4.6. ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ И КРИЗИС 1847–1849 ГОДОВ

Увеличение повинностей в первой половине XIX столетия вызывало сопротивление крестьянства, проявлявшееся, прежде всего, в крестьянских волнениях. Динамика этих волнений отражает интенсивность борьбы за перераспределение ресурсов в структуре «государство — элита — народ». На долю помещичьих крестьян приходилось 90 % всех выступлений, что объясняется большим различием в материальном и социальном положении двух категорий крестьянства. Основным социальным конфликтом, угрожавшим стабильности государства, был конфликт между помещиками и крепостными.

Как видно из рисунка 4.5, число крестьянских волнений резко возросло в период повышения ренты в 1820-х годах, затем несколько понизилось, а потом снова стало расти. В 1840-х годах общее число волнений было почти в 4 раза больше, чем в первое десятилетие XIX века. По данным В. А. Федорова, в Центральном районе 59 % всех волнений были обусловлены ухудшением положения крестьян — увеличением оброка и барщины, переводом на смешанную повинность, отбиранием земли, недостатком продовольствия, жестокими наказаниями, стеснением в промыслах, самоуправством властей. Причиной 20 % волнений была смена владельца, которая также часто вела к ухудшению положения крестьян, но иногда порождала и надежды на освобождение по завещанию умершего помещика. 15 % волнений было вызвано слухами о «воле», дарованной царем²¹⁹.

Теоретически, число волнений было невелико: ежегодно в среднем по Центральному району в них принимало участие лишь 0,3% помещичьих крестьян²²⁰. Однако присутствие такой причины волнений, как слухи о «воле», приводило к непредсказуемым и сильным всплескам крестьянских волнений, вызывавшим острое беспокойство у правительства. Эти всплески говорили о потенциальной возможности спонтанного социального взрыва, в котором могло проявиться накопленное за десятилетия социальное напряжение. Резкие всплески массовых выступлений отмечались в 1797, 1812, 1826, 1848 годах (см. рисунок 4.5). Поводом для волнения 1796–1797 годов были надежды крестьян на освобождение, вызванные реформами Павла I. Волнения 1826 года были связаны с ожиданием перемен при воцарении императора Николая I; эти надежды совместились с реакцией крестьян на повышение ренты. В этом году волнениями были охвачены некоторые большие имения, насчитывавшие тысячи крепостных душ, и помещики одно время говорили о «второй пугачевщине»²²¹.

Под впечатлением от волнений 1826 года Николай I издал рескрипт, предписывающий предводителям дворянства вести негласное наблюдение за помещиками и в случае обнаружения злоупотреблений информировать вышестоящие власти. За 12 лет, с 1834 по 1845 год, было осуждено за злоупотребления 630 помещиков, но наказания были довольно легкими и не соответствовали тяжести преступлений²²². В 1860 году полицией было зафиксировано 65 случаев смертельного наказания и 22 случая рождения мертвых детей в результате наказания беременных женщин²²³. В действительности подобных случаев было много больше, но они скрывались местными властями (теми же помещиками), стремившимися избежать огласки. «При рассмотрении самой организации раскрытия злоупотреблений, — отмечает И. И. Игнатович, — бросается в глаза ее главный недостаток: следить за злоупотреблениями помещичьей власти было предоставлено самим дворянам»²²⁴. «Я хорошо знаю, — писал новороссийский губернатор князь М. Воронцов, — что всякий раз, когда что-либо в этом роде дойдет до сведения государя, он громит преступников... Но что значит 4, 5, 6 случаев в год, которые доходят до его сведения, когда тысячи остаются неизвестными»²²⁵. В некоторых случаях власти оказывались просто бессильными. Например, саратовский помещик Жарский, дело о котором началось в 1827 году, употреблял наручники, шейные цепи, прикрепленные одним концом к потолку настолько, чтобы наказываемый находился в стоячем положении, рогатки, пытку при помощи пригибания колен к груди,

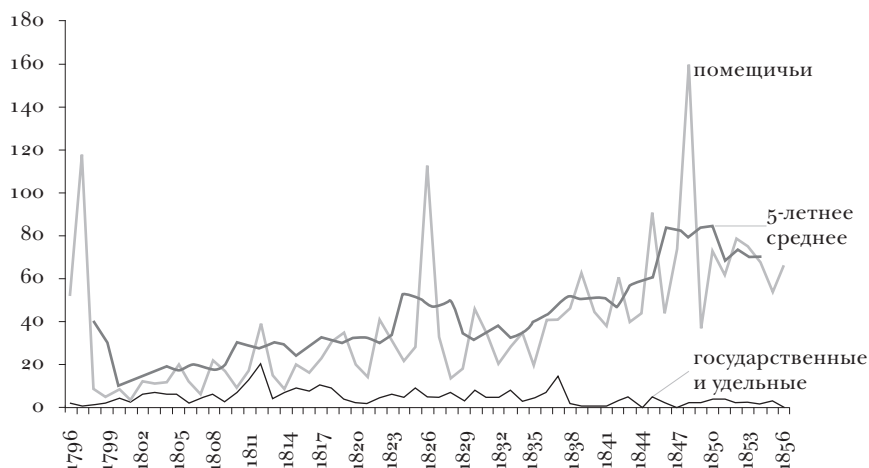


рис. 4.5. Динамика волнений помещичьих и государственных крестьян и тренд для общего числа волнений в 1796–1856 годах²²⁶.

причем руки связывались тонкой бечевкой за колени, а под коленями продевалась палка, так что человек не мог пошевелиться: веревки врезывались в руки, которые отекали и опухали. Крестьян так немилосердно били, что староста Платон Иванов умер после жестоких побоев. Несмотря на все меры, принятые губернатором князем Голицыным в деле раскрытия жестокостей Жарского, дело это кончилось ничем²²⁷. Все же сам факт заведения судебных дел, по-видимому, сыграл некоторую роль в приостановке роста ренты; в 1830-х годах число крестьянских волнений уменьшилось, но затем снова стало расти.

Спонтанные вспышки крестьянских волнений порождали у властей боязнь перемен, боязнь того, что реформы могут спровоцировать всеобщий бунт. «Нет сомнения, что крепостное право... есть зло, для всех ощутительное и очевидное, — говорил Николай I в 1842 году, — но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным»²²⁸. Но в то же время власти хорошо понимали всю опасность нарастания социальной напряженности. «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности», — писал в своем отчете царю за 1834 год начальник III отделения. «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим... — писал он в отчете за 1839 год. — Вообще весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению»²²⁹.

О нарастании социальной напряженности говорит также и рост числа крестьян, сосланных в Сибирь помещиками за «дурное поведение». В 1827–1831 годах было сослано 1249 крестьян, в 1832–1836 годах количество сосланных уменьшилось до 882 (что соответствует уменьшению числа крестьянских волнений), но затем оно возросло до 1980 в 1837–1841 годах и до 2775 в 1842–1846 годах²³⁰. В то же время другой показатель социальной напряженности, динамика преступности, не показывает определенной тенденции к росту. В то время как число волнений исчислялось десятками, статистика преступлений оперировала десятками тысяч, и социальные конфликты растворялись в массе бытовых преступлений. В целом уровень криминогенности в России был намного ниже, чем в европейских странах: в 4 раза ниже, чем во Франции, в 7,6 раза ниже, чем в Англии²³¹. Это обстоятельство можно интерпретировать как свидетельство рабской покорности и придавленности крестьянского населения. Покорность крестьян была результатом векового социального отбора: помещики «очищали» сословие крепостных от лиц с повышенной эмоциональностью и агрессивностью, сдавая потенциальных «смутьянов» в рекруты; таким образом, такие люди, как правило, не давали потомства и не передавали своего характера по наследству; в крестьянской среде выживали лишь робкие и покорные. Социальный отбор формировал крестьянскую психологию: так, В. Г. Белинский в известном письме к Н. В. Гоголю писал о распространенном явлении самоуничтожения крепостных. Написанная неизвестным крестьянином поэма «Вести о России» призывает крестьян притворяться покорными:

Умей под рабством находиться
И знай, помещика как чтить²³².

Число покушений на жизнь помещиков было в целом невелико, тем не менее имеются свидетельства о росте числа убийств и избиений «господ». В Рязанской губернии в 1801–1820 годах был лишь 1 такой случай, в 1821–1830 годах — 6 случаев, 1831–1840 годах — 9 случаев, в 1841–1850 годах — 10 случаев и в 1851–1860 годах — 20 случаев²³³.

Демографически-структурная теория утверждает, что процесс Сжатия сопровождается падением авторитета официальной церкви и распространением диссидентских течений. Действительно, наблюдалось определенное «охлаждение» крестьян к православной церкви, которая покорно служила их господам и постепенно утрачивала доверие народа. По закону 1722 года каждый подданный был обя-

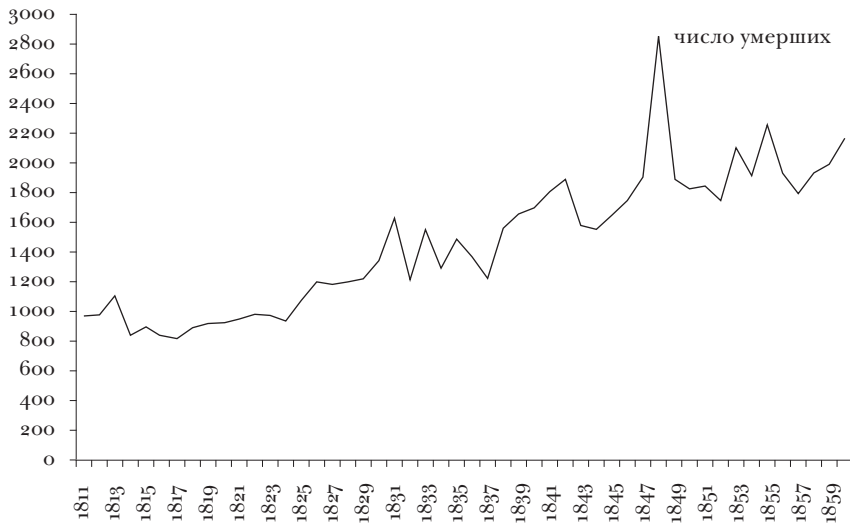


рис. 4.6. Динамика численности умерших по данным церковно-приходской статистики (православное население, тыс.)²³⁴.

зан ежегодно исповедоваться у священника, но число уклонявшихся от исповеди постоянно возрастало. Например, в Волоколамском уезде Московской губернии в 1796 году уклонились от исповеди 4,2% помещичьих крестьян, а в 1858 году — 9,5%; значительно возросло число раскольников²³⁵.

Постоянное недоедание снижало сопротивляемость организма и увеличивало опасность распространения эпидемий. В XVII и XVIII веках эпидемии были редкостью, за два столетия были зарегистрированы только две большие эпидемии, в 1654 и 1770–1772 годах. В XIX веке было зарегистрировано семь больших эпидемий: в 1830–1831, 1847–1848, 1853–1855, 1865–1866, 1871–1872, 1892–1893. Первая из них, эпидемия холеры 1830–1831 годов унесла около 240 тыс. жизней²³⁶; в целом по сравнению с 1829 годом излишняя смертность составляла 526 тыс.²³⁷

В конечном счете, так же как в 1780-х годах, увеличение ренты привело к демографическому кризису. В 1847–1849 годах к голоду присоединились его обычные спутники — эпидемии, но вследствие постоянного недоедания огромных масс крепостных эпидемия холеры приняла катастрофический характер. Толпы нищих, как тени, блуждали по селам, прося милостыню; крестьяне питались мякиной и ле-

бедой. Зимой к холере присоединились цинга и оспа. Причина распространения этих болезней, докладывал воронежский губернатор, «заключается преимущественно в недостатке питательной и привычной пищи». «Болезнетворное влияние это еще более усиливается от недостатка в топливе, которое в безлесных уездах состоит большей частью из соломы, употребляемой на корм животным, с раскрытием даже избыточных крыш»²³⁸.

Помещики, конечно, не были заинтересованы в гибели своих крестьян, но некоторые «душевноладельцы» соблазнялись возможностью продажи своего хлеба по спекулятивным ценам и не спешили раздавать его голодающим. Так, на просьбы о выдаче ссуд канцелярия Юсуповых отвечала, что «главная причина скудного состояния крестьян» состоит в том, что они «предаются лености и пьянству» и «лебеда в настоящее время — тот же хлеб». Правительство было вынуждено принимать экстренные меры. Местные власти оказывали давление на помещиков, требовали от них выдачи подписок-обязательств о прокормлении крестьян до нового урожая и об обеспечении посева весной. Помещикам выдавались ссуды для приобретения посевного зерна, а в случае растраты этих ссуд их имения передавались в опеку. Власти организовали общественные работы, бесплатно выдавали паспорта отходникам. В деревнях на случай неурожая создавались запасные хлебные магазины²³⁹. Очевидно, влияние кризиса сказалось также и на поспешном введении инвентарей в Западном крае (о чем говорилось выше).

В 1848 году, по данным Министерства внутренних дел, только от холеры погибло 668 тыс. человек, а в целом по России, по некоторым оценкам, число жертв эпидемии и голода в 1847–1849 годах составляло около одного миллиона²⁴⁰. Однако возможно, что в действительности число жертв было больше: по сравнению с уровнем смертности 1846 года «излишек» смертей за 1847–1849 годы только среди православного населения составлял 1,4 млн.²⁴¹ Хотя в 1849 году голод и эпидемия пошли на убыль, кризис принял рецидивирующий характер. В 1852–1855 годах эпидемия вернулась и унесла еще 250 тыс. жизней²⁴².

Голод (вместе с влиянием европейских событий) привел к невиданной до тех пор волне крестьянских бунтов. В 1847 году голод породил массовое переселение крестьян Белоруссии, которое привело к крупным столкновениям с войсками²⁴³. В обстановке голода и холерной эпидемии снова распространились слухи об освобождении; эти слухи были связаны с появлением указа 1847 года о возможности выкупа крестьян при продаже имения за долги. Одновремен-

но под влиянием сопровождавшегося резней помещиков восстания в австрийской Галиции произошла мощная вспышка волнений на Украине. В 1848 году было зарегистрировано 160 крестьянских волнений — число, примерно в 4 раза превышающее средний уровень (см. рисунок 4.5). Волнения на Украине вызвали панику среди помещиков и их массовое бегство из деревень в города; среди крестьян западных областей ходили слухи, что французы уже идут освобождать их от помещиков²⁴⁴.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что после кризиса 1848 года стала явным образом проявляться связь между количеством крестьянских волнений и уровнем смертности — то есть уровнем материальных тягот, которые несло на себе крестьянство. В 1848–1856 годах коэффициент корреляции между смертностью и числом волнений равнялся 0,89, причем кривая волнений повторяла кривую смертности с запозданием на один год²⁴⁵. Крестьяне перестали ждать, как прежде, смерти царя и перемены правления — теперь они сразу же реагировали на ухудшающиеся условия.

Как и в 1790-х годах, кризис вынудил помещиков к временному снижению ренты. Известны конкретные случаи такого рода, например, голод в тульской вотчине заставил графа Шереметева дать крестьянам ссуду и отпустить их на оброк²⁴⁶. Более существенным моментом было то, что, как и в 1790-х годах, помещики уже не могли увеличивать оброки, чтобы компенсировать инфляцию. В 1855–1859 годах в результате эмиссии кредитных билетов в период Крымской войны цена ржи возросла по сравнению с предыдущим пятилетием в полтора раза. В итоге перед освобождением оброк составлял в Рязанской и Тамбовской губерниях (и во всем Черноземье) в пересчете на хлеб 10 пудов с души²⁴⁷ — то есть уменьшился по сравнению с 1840-ми годами примерно в полтора раза.

4.7. СЖАТИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ РАЙОНЕ

Центральный район пребывал в состоянии Сжатия еще с 20-х годов XVIII века, и положение здесь смягчалось лишь поставкой хлеба с Черноземья. В 1815–1833 годах среднегодовой прирост крепостного населения в Центре составлял лишь 0,39%, а в 1833–1857 годах прирост сменился убылью в 0,07%. Поскольку крепостные составляли основную часть населения, то в целом население также стагнировало: по пяти центральным губерниям среднегодовой рост составлял в 1833–1857 годах лишь 0,08%. За полвека посевы хлебов увеличи-

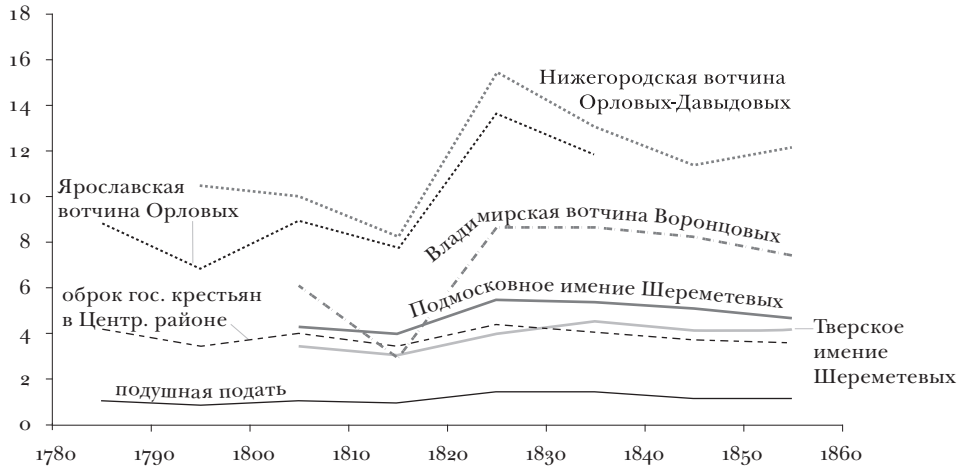


рис. 4.7. Динамика оброков в Центральном районе в 1780–1850-х годах (в пудах на душу населения)²⁴⁸.

чилились на 22% — отчасти за счет увеличения нормы высева, отчасти за счет ввода в оборот бедных земель, которые раньше не использовались. В силу этих обстоятельств, а также вследствие общего истощения почв урожайность, которая в XVIII веке составляла в среднем сам-3,1, в первой половине XIX века упала до сам-2,7. Чистый сбор хлеба на душу населения на протяжении первой половины столетия оставался практически постоянным и составлял 2,3 четверти (17,7 пуда на душу). Вследствие распашки лугов значительно сократилось поголовье скота; в 1842 году на 100 человек приходилось 29 лошадей и 38 коров, а 1860 году — 23 лошади и 31 корова²⁴⁹.

Крестьянское малоземелье заставляло помещиков переводить еще оставшихся барщинных крестьян на оброк и отказываться от барской запашки — к середине XIX века барская запашка составляла только 15% пашни. Высвободившиеся земли делили между крестьянами, и — вместе с освоением новых земель — это до какой-то степени позволяло бороться с малоземельем. Чистый сбор на наделах помещичьих крестьян в середине столетия составлял около 2 четвертей (15,4 пуда) хлеба на душу²⁵⁰ — то есть был как раз на уровне потребительского минимума. Но кроме того, крестьянину нужно было платить налоги и оброк; в Центре преобладали оброчные крестьяне, оброк был различным и зависел от развития промыслов в конкретном селе, от близости столиц, куда отправлялись массы отходников, и не-

которых других факторов. После резкого увеличения в 1820-х годах оброки в целом стабилизировались. В середине XIX века средний оброк в Московской губернии был равен примерно 4 руб. 68 коп. серебром или 8,7 пуда хлеба на душу²⁵¹ — и часто получалось так, что крестьяне продавали весь свой урожай, платили оброки и налоги, а потом уходили на заработки и, как могли, жили ремеслами и промыслами.

Помещики не желали терять контроль над отходниками и предписывали им определенные правила. Отходники обычно шли группой, которую возглавлял староста. Староста должен был отбирать у отходников большую часть заработанных денег, выдавая им «ярлыки», а деньги предоставлял в правление. Он должен был также смотреть за «нравственностью» крестьян и не допускать лишних расходов²⁵². По словам современника, в столицы, в Москву и Петербург, стекались десятки тысяч людей. «Создавшаяся вследствие этого конкуренция совершенно обесценивала рабочие руки. Крестьяне, которым, наконец, посчастливилось получить работу в столице, попадали в рабскую зависимость от своего нанимателя, нередко вовсе не уплачивавшего заработанные деньги. Эти бедные люди, без пищи, без крова, со смертельной бледностью на лицах, едва прикрытые какими-то лохмотьями, шатались, как привидения, по улицам»²⁵³.

Оценка уровня доходов и расходов оброчных крестьян, произведенная И. Д. Ковальченко и Л. В. Миловым для Московской и Тверской губерний²⁵⁴, показывает, что, несмотря на масштабы промышленной деятельности крестьян, их заработки были недостаточны, и у них не хватало денег на пропитание и уплату оброков. Данные по отдельным крупным имениям указывают на постоянный рост недоимок, которые помещики вынуждены были снимать, но они снова росли. К 1858 году средняя недоимка по Калужской губернии составляла около $\frac{4}{5}$ годового оброка²⁵⁵.

Особенно тяжелым было положение крестьян заложенных и «взятых в опеку» имений. О том, что представляло собой «взятие в опеку» дает представление следующий пример. За тверским имением княгини М. И. Голицыной в 1842 году числился баснословный долг в 196 тыс. рублей — 140 рублей на крепостную душу или, в переводе на хлеб, 340 пудов, примерно двадцатилетний урожай с крестьянского надела! Московскому опекунскому совету нужно было во что бы то ни стало вернуть деньги с процентами, и совет определил оброк вдвое больше обычного — примерно 28 пудов в хлебном эквиваленте. Крестьяне отдавали весь урожай с полей, после чего шли кормиться на московские фабрики, они голодали и продавали свой скот, и за 1842–1848 годы выплатили 84 тыс. рублей. Однако... из этих денег

лишь 24 тысячи пошло на погашение долга, а 60 тысяч — на уплату процентов. Крестьянам приходилось оплачивать не только прихоти расточительной княгини, но и доходы банка. Но, с другой стороны, поражает живучесть крепостного хозяйства, способного вынести непомерные тяготы — и продолжать существовать²⁵⁶.

Положение государственных крестьян было лучше, чем положение крепостных, но недостаток земли ощущался и в казенной деревне. По вычислениям комиссий, работавших в 1850-х годах, в Костромской губернии доля избыточной рабочей силы составляла 37%, во Владимирской губернии — 41%²⁵⁷.

В соответствии с демографически-структурной теорией нехватка земли вынуждала крестьян заниматься ремеслом. 27% мужчин из деревень центральных губерний вообще не пахали землю: они ежегодно уходили на промыслы; 700 тыс. работали бурлаками и грузчиками на судах, 600 тыс. — батраками на южных латифундиях, 400 тыс. — строительными рабочими, 400 тыс. — извозчиками, 250 тыс. — слугами, 200 тыс. становились ремесленниками в городах, 100 тыс. — фабричными рабочими²⁵⁸. Перенаселение понизило цены на рабочие руки, и на многих вотчинных мануфактурах вместо принадлежавших хозяину крепостных стали использовать отходников из других поместий. В суконной промышленности в 1825 году насчитывалось 324 мануфактуры, на которых работали в основном крепостные (82%); в 1850 году на 492 мануфактурах было лишь 4% крепостных, принадлежащих хозяевам²⁵⁹.

Начинающаяся промышленная революция вызвала упадок многих старых промыслов и появление новых. Бурлаки на Волге в 1810-х годах зарабатывали около 300 рублей за сезон, но в 1830-х годах появились суда с конными машинами, а затем пароходы, и заработок упал до 60–90 рублей. Это означало разорение и нищету для многих прежде богатых волжских сел²⁶⁰. Появление пароходов привело к упадку полотняного и парусинного промысла, но с другой стороны, промышленная революция вызвала стремительное развитие хлопчатобумажного производства. Поначалу ткачи работали на английской пряже, но в 1842 году был разрешен ввоз прядильных машин из Англии. В 1843 году в России насчитывалось уже 40 бумагопрядильных мануфактур с 350 тыс. веретен, в 1869 году число веретен достигло 1,6 млн. Дешевые хлопчатые ткани быстро вытесняли льняные. В одной Владимирской губернии, имевшей в 1850 году 100 тыс. жителей, было 150 тыс. ткачей-надомников. Село Иваново выросло в промышленный город, в нем было 135 фабрик с 10 тыс. рабочих, причем хлопок для фабрик доставляли из Америки! Промышленные города и ремес-

ленные поселки жили привозным хлебом; в губернию ежегодно ввозилось 4 млн. пудов хлеба, т. е. около 4 пудов на каждого жителя — таким образом, привозной хлеб обеспечивал 20–25 % потребления²⁶¹.

Согласно теории, перенаселение и нехватка земли побуждают крестьян не только заниматься ремеслами, но и переселяться в города — ближе к большим рынкам. В России крепостное право препятствовало этому процессу, и ремесла развивались по большей части в селах. Однако тенденция к миграции в города все же пробивала себе дорогу: темп роста городского населения Европейской России заметно ускорился, в 1811–1831 годах он составлял 0,47 % в год, а в 1832–1859 годах — 0,91 %; при этом ³/₄ прироста давали мигранты. В отличие от XVIII века городское население росло значительно быстрее, чем население в целом (в 1833–1857 годах темп роста населения в границах I ревизии составлял 0,65 %). В населении городов по-прежнему большую долю (около одной трети) составляли крестьяне, осевшие в посадах, но числившиеся деревенскими жителями²⁶².

4.8. РЕФОРМА П. Д. КИСЕЛЕВА

Как отмечалось выше, демографически-структурная теория акцентирует роль дифференциации крестьянства. Дж. Голдстоун особо отмечал, что ухудшение положения беднейших слоев населения может привести к социальному взрыву задолго до того, как продовольственные возможности страны будут исчерпаны²⁶³. Ухудшение положения крепостных крестьян делало такой вариант развития событий вполне реальным. Но в то же время нельзя забывать о том, что рядом с крепостнической Россией существовала другая Россия — страна свободных государственных крестьян-общинников.

«В Европе распространено мнение, что положение государственных крестьян не отличается от положения прочих крепостных: это ошибка, — писал Н. И. Тургенев. — Эти крестьяне свободны настолько, насколько можно быть свободными в России»²⁶⁴. В то время как рост численности помещичьих крестьян остановился, численность государственных крестьян быстро росла, и в середине XIX века они составляли половину населения. Император Александр I, придя к власти, заявил, что не желает «насаждать рабство» и прекратил пожалование государственных и дворцовых крестьян помещикам — поэтому численность государственных крестьян теперь не уменьшалась, как прежде, за счет обращения их в крепостных²⁶⁵.

В то время как оброки крепостных в 1820-х возросли в 2–3 раза и достигли 8–10 рублей серебром с ревизской души, государственные оброки остались на уровне 2,5 рублей серебром. На Черноземье крепостные крестьяне платили в 1830–40-х годах в пересчете на хлеб 15–18 пудов с души всего населения, а государственные крестьяне — 5–7 пудов, примерно столько же, сколько во времена Екатерины II (см. рисунок 4.4). Подушная подать также почти не изменилась с тех времен, в пересчете на хлеб она составляла около 2 пудов на душу (в Центральном районе вдвое меньше — рисунок 4.7). Таким образом, «эксплуататорский бум» 1820-х годов не коснулся государственной деревни, оброки и налоги оставались умеренными.

Уровень жизни крестьян зависел от размеров наделов. В конце 1850-х годов помещичьи крестьяне Тамбовской губернии имели в среднем 1 десятину пашни на душу, а государственные крестьяне — 1,7 десятины (таким же был и средний надел по всему Черноземью). Уровень оброка помещичьих крестьян в пересчете на хлеб в результате инфляции к этому времени понизился до 11 пудов на душу, а оброк государственных крестьян составлял 3,8 пуда²⁶⁶.

В целом государственные крестьяне Черноземья жили намного лучше, чем помещичьи. К примеру, государственные крестьяне потребляли вдвое больше вина — в 1840-х годах в среднем на 4 рубля ассигнациями (2,4 пуда хлеба) на душу. В Пензенской губернии в урожайный год средний двор имел излишки до 25 пудов на душу. На средний двор в этой губернии (насчитывавший 8 душ) приходилось 2 лошади, 2 коровы и 8 голов мелкого скота²⁶⁷. А. де Кюстин писал, что «высший предел честолюбия» русских крестьянин — «стать государственными крепостными»²⁶⁸.

Однако, как отмечалось выше, господство дворянства в структуре «государство — элита — народ» привело к подчинению государства элите и массовому распространению коррупции. В то время как помещичьи крестьяне находились во власти помещиков, государственные крестьяне находились в зависимости от чиновников. Павел I утвердил выборное волостное самоуправление, однако в правление Александра I крестьянское самоуправление было подмято под себя коррумпированным чиновничеством. По свидетельству современников, государственную деревню грабили все без исключения, на ней наживались и земские исправники, и местные чиновники через посредство выборных крестьянских начальников. Сметные книги волостных правлений содержали приходные записи, во много раз превышающие официальные сборы; под самыми разными поводами среди крестьян устраивались «добровольные» складки для «задабривания»

чиновников. Этой практике способствовала почти поголовная неграмотность крестьян, волостная управа часто оказывалась не в состоянии найти толкового и честного писаря для ведения финансовой документации²⁶⁹.

По донесению сенатора Мавродина, проводившего ревизию в Вятском наместничестве, за вымогательство и взяточничество следовало предать суду 3900 человек²⁷⁰. При другой ревизии, проведенной в Слободской Украине, выяснилось, что в 22 волостях под предлогом платежа податей с убылых было собрано 103 тыс. руб., а в казну поступило только 13 тыс. руб. Когда объявлялся набор рекрутов, начиналась настоящая торговля людьми, зажиточные крестьяне платили 300–400 рублей чиновникам, чтобы освободить от рекрутчины своих детей. Еще одним объектом обогащения чиновников было распределение сдававшихся в аренду мельниц, рыбных ловель и других угодий²⁷¹.

Дополнительный «оброк», наложенный коррумпированным чиновничеством на государственную деревню, привел к резкому росту недоимок по государственным податям. Недоимки, составлявшие в 1828 году 45 млн. руб., к 1835 году возросли до 68 млн.; это побудило правительство приступить к наведению порядка. Первой была проведена реформа дворцового ведомства, управлявшего личными владениями императорского дома, в которых проживало свыше 1 млн. крестьян. В ходе этой реформы новый руководитель ведомства Л. А. Перовский сменил за воровство и вымогательства свыше 70% чиновников²⁷².

Реформа управления государственными имениями была поручена графу П. Д. Киселеву, одному из доверенных друзей императора Николая I. Помимо пресечения коррупции предусматривались проведение кадастра и замена подушного оброка податью, взимаемой с земли и с промысловых доходов. Было создано Министерство государственных имуществ, взявшее на себя управление государственными крестьянами и провозгласившее своей целью «упрочение хозяйственного быта поселян». Земля в общинах по-прежнему подлежала переделам, но для малоземельных было организовано переселение в окраинные губернии, и переселенцы могли устраиваться отдельными хуторами. Создавалась сеть учебных ферм, где молодых крестьян, набранных из разных областей, учили новым методам хозяйствования; по возвращении на родину им помогали основать образцовые усадьбы, где они должны были передавать свои знания окрестным крестьянам. Для внедрения начальной грамотности было созданы тысячи приходских школ и специальные училища для волос-

тных писарей. В 1838 году, в первый год после создания министерства, в России почти не было народных школ, к 1866 году их число достигло 7869, в школах насчитывалось 280 тыс. учеников. В волостях открывались бесплатные лечебницы для крестьян, велась работа по профилактике эпидемий. Волостное самоуправление становилось звеном государственной системы, направленной на поощрение земледелия. Волость получила право собирать местный налог, за счет которого (помимо школ и лечебниц) создавались запасные хлебные магазины, оказывалась помощь нуждающимся, строились мосты и дороги. Выборные старосты деревень должны были стать агентами власти в деле «попечительства» над крестьянами: они были обязаны следить за проведением работ в каждом крестьянском хозяйстве, поощрять хороших работников и наказывать нерадивых, бороться с ленью, пьянством, развратом, следить за добрыми отношениями в семьях, за «благочестием» и «добронравием»²⁷³.

Сравнительно более высокий уровень жизни определял и высокий уровень естественного прироста государственных крестьян. По шести губерниям Черноземья в 1795–1833 годах этот прирост составлял 1,6 %, в 1834–1850 годах он упал до 0,98 %, а в 1851–1857 годах увеличился до 1,15 %. Разницу между приростом в двух последних периодах, по-видимому, можно в основном отнести на счет эпидемии холеры 1848 года, поэтому наибольший интерес представляет уменьшение естественного прироста в 1834–1850 годах. При этом, хотя коэффициент естественного прироста снизился более чем в полтора раза, рост оставался все же достаточно быстрым. За 1795–1833 годы численность государственных крестьян увеличилась в 1,97 раза, за 1834–1857 годы еще в 1,28 раза. Поскольку численность государственных крестьян за 1795–1857 годы увеличилась в 2,5 раза, то земельные ресурсы, приходившиеся на душу населения, существенно уменьшились, и это не могло не отразиться на уровне жизни государственных крестьян. На связь между величиной надела и темпами естественного прироста в свое время обратил внимание известный статистик П. П. Семенов, изучавший движение населения в 1858–1878 годах. Как, по подсчетам П. П. Семенова, в Центрально-земледельческом районе выглядела эта связь, показано в таблице 4.4.

Из данных таблицы 4.4 очевидностью следует, что величина естественного прироста была самым тесным образом связана с величиной надела. При этом существенно, что увеличение прироста с увеличением надела отмечалось и при сравнительно больших наделах, подобных тем, которые были у государственных крестьян черноземных губерний в середине столетия (наделах в 3–5 десятин на ревизс-

Табл. 4.4. Зависимость между размерами надела и приростом крестьянского населения в 1858–1878 гг.²⁷⁴

| <i>Надел на ревизскую душу (дес.)</i> | Менее 1 | 1–2 | 2–3 | 3–4 | 4–5 | 5–6 | Более 6 |
|---|---------|------|------|------|------|------|---------|
| <i>Прирост в 1858–1878 гг. (%)</i> | 16,6 | 17,3 | 19,0 | 21,2 | 25,4 | 27,6 | 30,3 |
| <i>Годовой естественный прирост (%)</i> | 0,77 | 0,80 | 0,87 | 0,96 | 1,14 | 1,23 | 1,33 |

кую душу). Вполне можно ожидать, что связь между величинами надела и естественного прироста должна отмечаться и в 1850-е годы. Действительно, для этого периода коэффициент корреляции между земельными наделами государственных крестьян и их естественным приростом составляет 0,79²⁷⁵. Связь оказывается слабее, чем в последующий период, но все же величина надела определяла динамику роста на 62%. Это позволяет утверждать, что падение естественного прироста в 1834–1858 годах было вызвано, главным образом, уменьшением величины надела, то есть это был результат действия основного мальтузианского механизма.

4.9. ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание динамике материального положения элиты. Ухудшение материального положения в связи с ростом численности элиты и дроблением поместий служит классическим объяснением повышения недовольства дворянства и увеличения давления элиты как на народ, так и на государство. Как отмечалось выше, в XVIII веке доля дворянства в общей численности населения постоянно возрастала. Как следует из данных, приводимых В. М. Кабузаном и С. М. Троицким (таблица 4.5), эта доля продолжала возрастать и в начале XIX века. Число крепостных на одного дворянина за 1782–1816 годы сократилось в 1,6 раза; соответственно уменьшились и доходы дворянства, что до некоторой степени объясняет недовольство дворян и последовавшее в 1816–1820 годах увеличение ренты (хотя, конечно, это была не единственная причина).

В численном отношении преобладающую часть дворянства составляли мелкие дворяне, но все вместе они владели лишь малой частью крестьян. Правительство было обеспокоено ростом «дворянского пролетариата», и по указу Николая I была проведена «чис-

Табл. 4.5. Численность дворян (мужского пола) на территории Европейской России (в границах 1772 года)²⁷⁶.

| | | <i>Численность (тыс.)</i> | | | | | |
|-----------------------|--------------------------------|---------------------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|
| | | <i>1782</i> | <i>1795</i> | <i>1816</i> | <i>1834</i> | <i>1850</i> | <i>1858</i> |
| По Европейской России | Дворян | 84 | 112 | 156 | 166 | 190 | 218 |
| | в т. ч. личных | | | 66 | | | 94 |
| | % дворян ко всему населению | 0,64 | 0,77 | 0,92 | 0,8 | 0,82 | 0,84 |
| | крепостных на одного дворянина | 76 | 64 | 48 | 52 | 45 | 39 |
| В Центральном районе | Дворян | 20,5 | 19,2 | 19,9 | 21,6 | 25,7 | 34 |
| | в т. ч. личных | | | 11,7 | | | 17,7 |
| | крепостных на одного дворянина | 94 | 106 | 103 | 102 | 85 | 65 |
| В Черноземном районе | Дворян | 13,1 | 21,3 | 25,7 | 33,4 | 35,5 | 32,9 |
| | в т. ч. личных | | | 10,0 | | | 11,0 |
| | крепостных на одного дворянина | 116 | 78 | 73 | 63 | 59 | 64 |

тка» дворянства. Был организован перевод разорившихся дворян в однодворцы и в государственные крестьяне, поэтому число беспоместных и мелкопоместных дворян в 1838–1858 годах существенно уменьшилось (таблица 4.6). На территориях, находившихся ранее в составе Речи Посполитой, положении было иным: здесь имелось огромное количество малоземельной польской шляхты. Если в 1795 году в собственно России имелось 112 тыс. дворян мужского пола, то на присоединенных территориях их было 251 тыс.; на одного дворянина (включая детей и женщин) здесь приходилось только 14 крестьян, в то время как в собственно России — 64²⁷⁷. Мелкая шляхта в массовых масштабах отнимала у крестьян землю и переводила их на «месячину» — голодные месячные пайки. Малоземельные помещики отправляли крестьян на работы в Россию, отрывая их на многие годы от семьи и хозяйства, так что Государственный совет был вынужден запретить помещикам отсылать на работы более половины своих крестьян²⁷⁸. Последние десятилетия перед освобождением получили у белорусских крестьян название «Время смолы», по-

тому что тогда исполнилось знаменитое пророчество монаха Белеуша: «Придут к вам хозяева. Они будут из вас смолу гнать, а вы будете их панями называть»²⁷⁹.

Среди обычаев польской шляхты было спаивание своих крестьян. «Богатые помещики выкуривают огромное количество вина, употребляя на это весь свой хлеб, — докладывал витебский ревизор, — и часто отбирают хлеб у собственных крестьян, которых после, вместо скота, кормят хлебом из винной барды... Потом открывают продажу этого вина по самой найдешевейшей цене... а крестьяне, как помещичьи, так и казенные, совершенно предавшись пьянству, проживают все свое состояние, деньги, хлеб, скот и даже одежду»²⁸⁰.

«Нищета помещичьих крестьян превосходит всякое вероятие... — говорилось в докладе Министерства внутренних дел от 7 февраля 1853 года. — Крестьяне, особенно у мелкопоместных владельцев, находятся в бедственном и угнетенном положении... Крестьяне нисходят до последней степени нищеты и нравственного унижения...»²⁸¹. Характеризуя положение крепостных на Украине, Ю. Ф. Самарин писал: «Требования помещиков непомерны; средства истязания развратили народ и сделали его бесчувственным. В имении, которым управляет Т., ежегодно секли от 40 до 60 баб, в том числе и беременных»²⁸². Сам Николай I в резолюции на рапорте виленского генерал-губернатора признавал, что западные губернии находятся в «страшном состоянии», которое невозможно исправить, действуя лишь законными мерами²⁸³.

Рост численности дворянства был не единственной причиной усиления его давления на народ. Как отмечалось выше, вестернизация привела к деформации дворянского менталитета и формированию комплекса престижного потребления, который психологически давил на дворян, подталкивая их к непосильным расходам.

В 1850-х годах — отчасти под влиянием крестьянских волнений — отмечается некоторое уменьшение крестьянских повинностей. Это породило среди историков споры о рентабельности крепостного хозяйства. Согласно марксистской историографии, крепостное хозяйство «изжило себя» и приходило в упадок. Вопрос о том, имело ли место «изживание» крепостничества, имеет существенное значение в контексте неомальтузианской теории: дело в том, что увеличение численности населения приводит к удешевлению рабочей силы, и в условиях избыточного предложения свободного труда рабство и крепостничество действительно могут стать невыгодными. О том, что такое развитие событий вполне возможно, говорят некоторые исторические примеры, в частности, исчезнове-

Табл. 4.6. Численность помещиков Европейской России в зависимости от числа душ в их владении²⁸⁴.

| | 1838 | | | | | 1858 | | | | |
|--------------|-----------|-----|-------------------|------|------------------------------|-----------|------|-------------------|------|------------------------------|
| | помещиков | | у них крестьян | | на 1 помещика крестьян | помещиков | | у них крестьян | | на 1 помещика крестьян |
| | в тыс. | в % | в тыс. | в % | | в тыс. | в % | в тыс. | в % | |
| Беспоместные | 17,8 | 14 | 124 | 0,6 | 6 | 3,6 | 3,5 | 24 | 0,1 | 6 |
| 1-40 | 58,5 | 46 | 900 | 4,1 | 16 | 41,0 | 39,5 | 655 | 3,1 | 16 |
| 41-200 | 30,4 | 24 | 3001 | 13,9 | 98 | 35,5 | 34,5 | 3332 | 15,8 | 94 |
| 01-1000 | 16,7 | 13 | 7268 | 33,9 | 434 | 19,9 | 19,2 | 7850 | 37,1 | 394 |
| 1001-2000 | 2,3 | 1,8 | 3126 | 14,5 | 1376 | 2,4 | 2,3 | 3140 | 14,9 | 1296 |
| более 2000 | 1,5 | 1,1 | 7114 | 33,0 | 4896 | 1,4 | 1,3 | 6101 | 29,0 | 4414 |
| Всего | 127103 | 100 | 21533 | 100 | 168 | 103880 | 100 | 21102 | 100 | 202 |

ние категории крепостных крестьян в Китае в эпоху Цин²⁸⁵. Связь между рентабельностью крепостничества и плотностью населения не была секретом и для государственных деятелей эпохи Николая I. «Крепостное право падет само собой, — писал адмирал Н. С. Мордвинов, — ... когда население будет соответствовать пространству земли...»²⁸⁶. Министр внутренних дел Л. А. Перовский также отмечал, что опыт отдельных губерний показывает, что там, где нет недостатка в рабочих руках, хозяйствовать вольнонаемным трудом выгоднее, чем крепостным²⁸⁷.

Е. Домар и М. Мачина²⁸⁸ на основе экономико-математической модели изучили вопрос о рентабельности крепостного хозяйства в различных регионах России. Вывод этих исследователей сводился к тому, что с ростом населения рентабельность действительно уменьшалась, однако в 1850-х годах владение крепостными в России было еще достаточно выгодным. Недостаточная рентабельность наблюдалась лишь в Литве, где отношение стоимости крепостного к цене зерна (то есть к затратам на его прокормление) было существенно ниже, чем в других регионах (см. рисунок 4.8).

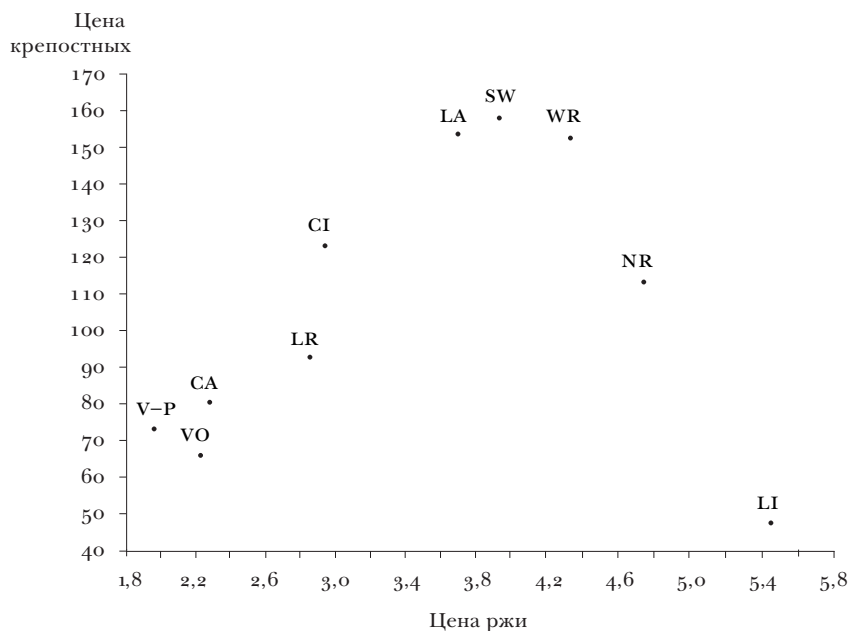


рис. 4.8. Соотношение средней цены на крепостных (в руб.) и средней цены на рожь (руб. за четверть) в 1850-х годах по регионам: V-P – Вятка – Пермь; VO – Волжский регион; CA – Центральное Черноземье; LR – Малороссия; CI – Центрально-промышленный район; LA – Петербургский район; SW – Северо-Западный район; WR – Белоруссия; NR – Новороссия; LI – Литва²⁸⁹.

Таким образом, в целом уровень прибыли крепостных хозяйств оставался еще достаточно высоким. «Барщинное хозяйство в момент своей ликвидации было наиболее производительной организацией земледельческого труда, и объективно, и в особенности с точки зрения получения прибавочной стоимости, — писал П. Б. Струве. — Владение крещеной собственностью могло тяготить русских помещиков только в перенаселенных местностях, то есть в малоземельных имениях. Но мы не имеем указаний на то, чтобы помещики этих мест настолько тяготились своими крестьянами, чтобы стремиться от них избавиться. Иначе мы бы видели массовый отпуск крестьян на волю...»²⁹⁰

«Поскольку можно заключить из многочисленных в тогдашней литературе вычислений... а также из факта все еще широкого распространения барщины, — отмечал известный экономист П. И. Ля-

щенко, — крепостное помещичье хозяйство... было все еще выгодно, как сравнительно с оброчным, так и с вольнонаемным хозяйством»²⁹¹. Мнения о том, что крепостное хозяйство было достаточно прибыльным, придерживаются также многие современные исследователи²⁹². Можно привести много примеров высоко рентабельных барщинных хозяйств. Известно, например, о громадном превышении доходов над расходами в тульских и рязанских вотчинах Юсуповых²⁹³. Петровское имение Гагариных в Тамбовской губернии насчитывало 3,2 тысячи ревизских душ и приносило в 1856–1859 годах в среднем по 35 рублей с души или в хлебном эквиваленте по 28 пудов хлеба. В этом имении на душу приходилось 1,2 дес. пашни в барском поле и 1,4 дес. в крестьянском поле. Из-за большой барщины крестьяне не успевали вспахать свои поля, они имели большую задолженность, жили впроголодь и понемногу вымирали — тем не менее помещик получал свою прибыль²⁹⁴.

Если у помещика не хватало земли, то, конечно, начинались проблемы. Граф Шереметев в 1846 году был вынужден отпустить крестьян своей тульской вотчины на оброк, и они платили по 10 рублей серебром с ревизской души²⁹⁵; по тульским ценам 1846–1850 годов этот оброк соответствовал 18 пудам хлеба с человека.

Существенное влияние на прибыльность барщинных хозяйств оказывала и рыночная конъюнктура. Расширение барщинных хозяйств в 1820-х годах имело своим следствием перепроизводство хлеба и падение цен; цена ржи на Черноземье уменьшилась с 34 коп. серебра за пуд в 1831–1835 годах до 25 коп. в 1851–1855 годах; уменьшение прибылей вызывало многочисленные жалобы помещиков. Вдобавок цены стали резко колебаться: в голодном 1840 году цена достигла 74 коп. за пуд, а в 1844 году упала до 13 коп. Периодические падения цен почти до нуля объяснялись спецификой крепостного хозяйства: помещики «не знали» цены произведенного даровым трудом хлеба, «не знали», с каким трудом обеспечивается его перевозка в крупные города, и, чтобы поддержать свой уровень престижного потребления, могли продавать хлеб по любой цене²⁹⁶.

Высокая прибыльность барщинных латифундий объясняет и медленное внедрение сельскохозяйственных новаций: зачастую в них не было необходимости. «Помещик хорошо знал, какие улучшения вводятся в сельском хозяйстве других стран, — писал В. О. Ключевский, — но ему эти улучшения не были нужны при дармовом труде; машины и т. п. оставили бы без работы часть его крепостных... „Введу я эту машину, — говорит помещик, — а мои бабы что будут делать зимой?“»²⁹⁷ Внедрялись лишь те новации, которые давали быструю

Табл. 4.7. Объем задолженности и вклады помещиков в 1823–1859 годах²⁹⁸.

| | 1823 | 1833 | 1843 | 1859 |
|--------------------------------------|-------|-------|-------|-------|
| Объем задолженности (млн. руб. сер.) | 90 | 205 | 340 | 425 |
| Заложено крестьян (млн.) | 2,1 | 4,5 | 6,4 | 7,1 |
| и процент к общему числу | (20%) | (43%) | (52%) | (66%) |
| Объем вкладов (млн. руб. сер.) | 111 | 268 | 416 | 746 |
| Соотношение долги / вклады | 0,81 | 0,76 | 0,82 | 0,57 |

и очевидную отдачу, такие, как новые сорта зерновых, простейшие молотилки и веялки, крытые тока и т. п. Что же касается более глубоких усовершенствований, то, к примеру, известный рационализатор Н. И. Шишков был вынужден признать, что они не дают существенного увеличения дохода. Более прибыльным вложением денег было приобретение новых поместий с крепостными — и большинство землевладельцев предпочитало покупать не машины, а крепостных: рабы были дешевле машин²⁹⁹.

С вопросом о рентабельности барщинного хозяйства тесно связан вопрос о росте задолженности помещиков. Дворянская монархия пыталась помочь правящему сословию, в том числе через организацию льготного кредитования. В 1759 году по инициативе П. И. Шувалова был создан Медный банк, выдававший кредиты такого рода. Канцлер граф М. И. Воронцов предупреждал, что получившие ссуды дворяне растратят деньги впустую. «Уже сейчас, — отмечал канцлер, — многие дворяне, заложив свои имения, тратят деньги в заграничных путешествиях». Действительно, получившие ссуды представители высшей знати практически ничего не вернули банку, и вскоре он прекратил свое существование³⁰⁰. Тем не менее в конце XVIII века система государственных банков была создана; эти банки давали кредиты под залог поместий на очень большие сроки (до 24 лет) и под очень низкий процент (до 1831 года — 6%, а затем — 5%)³⁰¹.

Задолженность помещиков быстро росла, и к 1859 году было заложено 7,1 млн. душ — 66% их общей численности. Условия кредитов были настолько выгодны, что помещики часто брали ссуды, чтобы передать эти деньги в долг купцам под большой процент. В то же время они не торопились отдавать кредиты, постоянно добиваясь новых пролонгаций и облегчения условий возврата. Банки не решались применять к помещикам жесткие меры и продавать поместья

за долги. В Петербургской сохранный казне к 1859 году было заложено 8453 поместья, из них за 1849–1859 годы было назначено к продаже 404 и меньше 100 были действительно проданы. В Тульской губернии было заложено три четверти всех крестьян, но из 3 тыс. заложенных поместий за 1854–1858 годы было продано только 20³⁰². В 1866 году министр финансов М. Х. Рейтерн докладывал, что за 1831–1865 годы помещикам было роздано в ссуду не менее 400 млн. рублей и «за малейшей частью все остальное пропало бесследно для народного хозяйства»³⁰³.

В то же время масштабы дворянской задолженности не следует преувеличивать. На Черноземье помещики могли получить в виде займов до 70 рублей на ревизскую душу, но фактически задолженность была в половину меньше, и с 1842 года она не увеличивалась. По некоторым оценкам, стоимость только недвижимого имущества помещиков в 1859 году составляла 2,1 млрд. руб., а все их долги исчислялись в 425 млн. руб. Такое соотношение долга и собственности отнюдь не считается чрезмерным³⁰⁴.

С другой стороны, те же самые государственные банки, которые выдавали кредиты помещикам, принимали от них вклады. До 1820-х годов объем вкладов был невелик, но затем он начал стремительно расти — намного быстрее, чем объем долгов (см. таблицу 4.7). К 1850 году российские дворянские банки (мы не учитываем здесь вклады купеческого Коммерческого банка) имели на хранении огромные средства, в несколько раз большие, чем все банки Лондона³⁰⁵. Откуда взялись эти деньги? Очевидно, это были аккумулированные крестьянские оброки, те самые колоссальные суммы, которые стали получать помещики после тройного увеличения оброков в 1820-х годах. Банки давали 5% по вкладу, и в стране, где практически не было акций, это был самый простой и выгодный способ хранения и преумножения денег³⁰⁶. Таким образом, огромный рост вкладов говорит о росте богатства дворянского сословия.

Что же касается роста задолженности, то отсутствие связи между задолженностью и разорением помещиков отмечалось еще современниками. Так, в 1856 году министр внутренних дел С. С. Ланской писал, что на богатых саратовских помещиках числилось почти столько же долгов, сколько на помещиках нищей Витебской губернии³⁰⁷.

Таким образом, суждения о «кризисе» крепостного хозяйства выглядят преувеличенными и не объясняют последовавшей в 1861 году отмены крепостничества. Крепостное право было ликвидировано сверху, и отмена крепостничества была результатом воздействия новой диффузионной волны, вызванной европейской промышленной революцией.

4.10. ВЫВОДЫ

Анализ развития России в контексте трехфакторной модели показывает, что события царствования Александра I определялись, в основном, действием *диффузионного фактора*. Военная революция, вызванная созданием маневренной полевой артиллерии и тактики колонн, породила волну наполеоновских завоеваний и привела к диффузионному распространению французских заимствований. Элементами нового культурного круга были не только новые военные технологии, но и французский конституционализм, а также принципы свободы и равенства сословий. С этим диффузионным влиянием были связаны как конституционные проекты Александра I, так и аналогичные по содержанию планы декабристов. Военный заговор декабристов и восстание в Польше вызвали традиционалистскую реакцию, которая сомкнулась с аналогичной реакцией в Германии и породила традиционалистское и пронемецкое правление Николая I. После неудачных попыток Петра III и Павла I это была уже третья попытка построения в России «регулярного государства» прусского образца — и на этот раз проект преобразований был успешно реализован.

С точки зрения демографически-структурной теории, наиболее важным процессом первой половины XIX века было замедление процесса колонизации и сопутствующее росту населения падение потребления. Имеющаяся информация о посевах и сборах выявляет классическую картину «мальтузианских ножниц»: население растет, а потребление падает и в середине столетия достигает минимально возможной нормы. При этом данные выявляют существенные различия между регионами: оказывается, что падение душевого сбора проявляется наиболее ярко в Черноземном районе, в то время как в Центральном районе душевой сбор был близким к минимальной норме уже в начале века и на протяжении периода почти не менялся. Соответственно, рост населения в Центральном районе был медленным и к концу периода практически прекратился, на Черноземье же он был более значительным, хотя тоже замедлился.

Падение потребления до минимума является основным признаком наступившего Сжатия; помимо этого на протяжении всего периода мы наблюдаем в Центральном районе и другие явления, характерные для периода Сжатия: замедление роста населения, частые сообщения о голоде и стихийных бедствиях, крестьянское малоземелье, разорение крестьян, быстрое развитие ремесел и торговли, дешевизна рабочей силы, высокие цены на хлеб, распространение отходничества, уход крестьян в города, быстрый рост городов.

Анализ распределения ресурсов в структуре «государство – элита – народ» позволяет существенно дополнить эту картину. После убийства Павла I баланс сил в борьбе за распределение ресурсов вновь изменился в пользу дворянства. Ограничив претензии государства, дворянство приступило к неслыханному до тех пор увеличению оброков и барщин крепостных крестьян. В контексте теории эта экспансия отчасти объясняется непропорциональным ростом численности дворянства и уменьшением числа крестьян, приходящихся на одно дворянина, однако в данном случае существенную роль сыграло также влияние диффузионного фактора – проявлявшегося еще в правление Екатерины II стремления жить «по-французски».

В результате резкого перераспределения ресурсов в пользу элиты крестьянам был оставлен лишь минимум жизненных средств. Это привело к хроническому недоеданию среди крепостных, в годы неурожая превращавшемуся в голод, сопровождаемый эпидемиями. *Рост численности крепостных фактически прекратился, и таким образом, мы наблюдаем (в дополнение к общей картине) картину исключительно интенсивного Сжатия внутри одного сословия – Сжатия, вызванного не ростом численности этого сословия, а сужением его экологической ниши в результате перераспределения ресурсов.* В конечном счете это Сжатие привело к кризису 1847–1849 года, когда голод и эпидемии унесли более миллиона жизней. Так же, как кризисы 1723–1726 и 1787–1788 годов, этот кризис носил по преимуществу структурный характер и был вызван перераспределением ресурсов внутри структуры, в данном случае от крестьянства к элите. Также, как в 1787–1788 годах, после кризиса наблюдается уменьшение реальной ренты, то есть частичная корректировка неадекватного распределения ресурсов. Как и в те времена, государство, со своей стороны, обращает внимание на бедственное положение крестьян и принимает некоторые меры в пользу крестьянства – в частности, восстанавливает забытый павловский закон о трехдневной барщине.

В рамках демографически-структурной теории назревающий конфликт между монархией и элитой объяснялся также и конкуренцией за ресурсы. Дворянство вело борьбу за ресурсы не только с крестьянством, но и с государством, и в частности, оно не допускало увеличения прямых налогов на крепостных крестьян. Государство, стесненное в своих финансовых возможностях, выходило из положения с помощью повышения косвенных налогов, увеличения оброков государственных крестьян, а во время войн – путем печатания бумажных денег. Крымская война вновь поставила вопрос о недостатке

средств и о взрывоопасном положении в тылу армии — о «пороховом погребе под государством». Как утверждает демографически-структурная теория, *Сжатие должно было вызвать попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, и тенденцию к установлению этакристской монархии.* Однако необходимо отметить, что демографический фактор действовал не изолированно, а синхронно с диффузионным фактором.